ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson

НЕВИДИМАЯ ДЕВОЧКА И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Невидимая девочка и другие истории (сборник)

Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Невидимая девочка и другие истории
Весенняя песня
Страшная история
Филифьонка, которая верила в катастрофы
История о последнем в мире драконе
Хемуль, который любил тишину
Невидимая девочка
Тайна хаттифнатов
Седрик
Ёлка

Аннотация

Мир муми-троллей — «это мир, по которому в глубине души тоскует каждый из нас». Правоту этого утверждения знаменитой шведско-финской писательницы и художницы Туве Янссон доказывают её книги, ставшие неотъемлемой частью детства уже нескольких поколений. Наивный и мудрый, тёплый и добрый, несмотря на все бури, которые его иногда сотрясают, этот мир всегда открыт и детям, и взрослым.

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
Невидимая девочка и другие истории

Серийное оформление *Татьяны Павловой*
Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янссон*
Перевод со шведского *Марии Людковской* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*

© М. Людковская, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Содоши

Весенняя песня

Был тихий безоблачный вечер в конце апреля.

Снусмумрик держал путь домой и зашёл уже так далеко, что тут и там на северных склонах стали попадаться пятна снега.

Он шёл целый день по нетронутым холмам и долинам, и над головой неумолчно кричали перелётные птицы.

Они тоже возвращались домой с юга.

Шагалось легко: рюкзак был пуст, а мысли безмятежны. Снусмумрик радовался лесу, погоде, себе. Завтра было таким же далёким, как и вчера, зато здесь и сейчас сквозь берёзы пробивалось ярко-красное солнце, а воздух был прохладным и мягким.

«Хороший вечер для песни, — подумал Снусмумрик. — Новой песни, в которой будет толика приятных предвкушений и две толики весенней грусти, а остальное — бесконечный восторг оттого, что можно вот так просто идти вперёд, одному, в мире с самим собой».

Эту песню он носил под шляпой уже много дней, но пока не решался вытащить на свет. Она должна подрасти и созреть, преисполниться такой радостной уверенности в себе, чтобы все звуки тотчас встали на свои места, как только он коснётся губами гармошки.

Звуки не терпят спешки: вытащишь их слиш-

ком рано — они, чего доброго, заупрямятся, и песня выйдет так себе. А порой бывает так, что вообще расхочется её сочинять, и тогда уже больше не поймаешь мелодию и не заставишь звучать как надо. Песня — штука серьёзная, особенно если хочешь, чтобы она получилась грустная и весёлая одновременно.

Но сегодня Снусмумрик не сомневался. Его песня созрела, она была готова появиться на свет, и лучше неё он никогда ещё ничего не придумывал.

Он придёт в долину, сядет на перила моста и сыграет её над рекой, а Муми-тролль скажет: «Красивая песня. Очень красивая».

Снусмумрик остановился во мху. Что-то неприятно кольнуло внутри. Муми-тролль… Он так отчаянно ждёт и так тоскует по нему. Сидит дома, грустит и восхищается. «Ну конечно, ты свободен, — говорит он. — Ну конечно, иди! Я понимаю, иногда тебе надо побыть одному». Только глаза его при этом черны от разочарования и бессильной тоски.

— Ой-ой-ой, — проговорил Снусмумрик и продолжил путь. — Ой-ой-ой. У этого тролля столько чувств! Но не буду думать о нём. Он хороший тролль, но сейчас о нём можно не думать. Сегодня

я хочу побыть один со своей песней, и сегодня — это не завтра.

Вскоре Снусмумрику удалось совсем позабыть о Муми-тролле. Он искал приятное место для ночлега и, заслышав журчание ручья в глубине леса, немедленно направился туда.

Меж деревьями погасла последняя красная полоска, и на смену солнцу пришли весенние сумерки — неспешные, синие. Синим окрасился весь лес; берёзы, как белые мачты, одна за другой исчезали в полумгле.

Это был славный ручей.

Прозрачный и тёмный, он плясал над пучками прошлогодних листьев, пробегал по последним, забытым зимой ледяным туннелям, нырял в мох и летел кувырком в маленький водопад с белым песчаным дном. То он, как комар, весело пел в мажоре, а то, притворяясь большим и грозным, громко булькал талой водой и хохотал надо всем вокруг.

Снусмумрик стоял и слушал, утопая ногами во мху. «Ручей тоже зазвучит в моей песне, — думал он. — Возможно, припевом».

Вдруг с плотины сорвался камень, и звучание ручья изменилось на целую октаву.

— Неплохо, — восхитился Снусмумрик. — То,

что нужно! Надо же, раз — и новая тональность! Может, стоит написать для ручья отдельную песню?

Снусмумрик вытащил из рюкзака старый котелок и наполнил его под водопадом. Потом пошёл в ельник за хворостом. Лес был мокрый от весенних дождей и талого снега, и, чтобы найти мало-мальски сухие дрова, Снусмумрику пришлось залезть в густой бурелом. Только он протянул руку, как под ёлками кто-то вскрикнул и метнулся прочь. Крики ещё долго не стихали, удаляясь.

— Ну конечно, — ворчал Снусмумрик. — Под каждым кустом, куда ни сунься, ползучая мелюзга и прочие козявки. Какие же они нервные — уму непостижимо. Чем мельче, тем прыгучей.

Он притащил сухой пенёк и немного хвороста и спокойно, без всякой спешки, сложил костёр в излучине ручья. Огонь занялся сразу — Снусмумрик привык готовить сам. Он всегда готовил только себе, и, по возможности, никому другому, а чужие обеды его мало интересовали. За обедом все вечно болтают.

А ещё им подавай столы и стулья, а некоторым и салфетки.

Снусмумрик даже слышал об одном хемуле,

который к обеду переодевался в другое платье! Но уж это, наверное, выдумки.

Снусмумрик рассеянно хлебал свой жидкий суп, любуясь зелёным мхом под берёзами.

Мелодия вилась уже совсем близко, и ему ничего не стоило схватить её за хвост. Но он не спешил, наслаждаясь предвкушением. Песня попалась в его силки, и теперь ей ни за что не упорхнуть. Сперва он вымоет посуду, потом выкурит трубку, а потом, когда костёр превратится в тлеющие угли и ночные звери начнут перекликаться в лесу, — вот тогда-то настанет время для песни.

Зверька Снусмумрик заметил, когда мыл в ручье котелок. Зверёк сидел под корнями дерева на другой стороне и глазел на него из-под взъерошенной чёлки. Испуганные, но любопытные глазки следили за каждым движением Снусмумрика.

Застенчивые глазки под лохматым хохолком. Будто говорящие: не обращайте на меня внимания.

Снусмумрик сделал вид, что не заметил зверька. Поворошил костёр, сгрёб в середину угли, срезал еловых веток, чтобы сидеть. Достал трубку и не спеша раскурил. Пуская в небо изящные облачка дыма, он поджидал свою песню.

Но песня не приходила. Вместо этого он чувствовал восхищённый взгляд, следивший за каждым его движением. Снусмумрику стало не по себе.

— Брысь! — не выдержал он и хлопнул в ладоши.

Зверёк юркнул под корень и оттуда спросил, сгорая от смущения:

— Надеюсь, я тебя не напугал? Я знаю, кто ты. Ты Снусмумрик.

А потом спрыгнул в воду и пошёл через ручей вброд. Это был слишком большой ручей для такого маленького зверька, и вода в нём текла ледяная. Зверёк оступался и плюхался вверх тормашками, но Снусмумрик так разозлился, что даже не думал ему помогать.

Наконец на берег вылезло жалкое тощее существо и, стуча зубами, сказало:

— Привет. Я так счастлив с тобой познакомиться.

— Привет, — холодно ответил Снусмумрик.

— Можно погреться у твоего огня? — спросил зверёк и просиял всей своей мокрой физиономией. — Неужели я буду Тем, кому однажды довелось сидеть у костра Снусмумрика? Никогда в жизни этого не забуду.

Зверёк придвинулся ближе, положил лапку на рюкзак Снусмумрика и торжественно прошептал:

— Это здесь ты хранишь свою гармошку, да? Она тут?

— Да, — довольно резко ответил Снусмумрик.

Его мелодия одиночества пропала — настроение было испорчено. Снусмумрик стиснул зубами трубку и уставился на берёзы невидящим взглядом.

— Я не буду тебе мешать! — невинно воскликнул зверёк. — Ну, то есть если ты вдруг хотел немного поиграть. Ты даже не представляешь, как я скучаю по музыке. никогда не слышал музыки. Но я слышал о тебе. Ёж, и кнютт, и мама рассказывали… А кнютт даже видел тебя! Если бы ты только знал… здесь у нас так мало чего происходит… а мы так много мечтаем…

— И как тебя зовут? — спросил Снусмумрик. Он решил, что проще будет что-нибудь сказать, раз вечер всё равно испорчен.

— Я такой маленький, что у меня нет имени, — поспешил ответить зверёк. — Подумать только, ведь меня раньше никто и не спрашивал. И вдруг появляешься ты — а я столько слышал о тебе и так мечтал увидеть! — и спрашиваешь, как меня зовут. Скажи, как ты думаешь, вдруг это возможно… ну, то есть… не затруднит ли тебя придумать мне имя, такое, чтобы оно было только моё, и ничьё больше? Вот прямо сейчас, сегодня, этим вечером?

Снусмумрик что-то буркнул и надвинул шляпу на глаза. Кто-то с длинными острыми крыльями пролетел над ручьём и прокричал печально и протяжно:

— Ю-юуу, ю-юуу, ти-уу…

— Если кем-то восхищаться, никогда не станешь по-настоящему свободным, — внезапно сказал Снусмумрик. — Это я точно знаю.

— Я знаю, что ты всё знаешь, — сказал маленький зверёк и придвинулся ещё ближе. — Я знаю, что ты всё видел. Всё, что ты говоришь, — правда, и я всегда буду стремиться стать таким же свободным, как ты. Ты пойдёшь домой, в Муми-долину,

там отдохнёшь, повстречаешь знакомых… Ёж говорит, что, когда Муми-тролль проснулся после зимней спячки, он сразу затосковал по тебе… Правда же здорово, когда есть кто-то, кто скучает по тебе и ждёт, ждёт?

— Я вернусь, когда захочу! — в сердцах воскликнул Снусмумрик. — А может, и не вернусь вовсе. А может, вообще пойду в другую сторону.

— О, тогда Муми-тролль, наверное, огорчится, — сказал зверёк.

Его шёрстка уже немного подсохла — спереди она была нежная и светло-коричневая. Зверёк снова потрогал рюкзак и осторожно спросил:

— А ты не мог бы… Ведь ты так много путешествовал…

— Нет, — сказал Снусмумрик. — Не сейчас.

И с досадой подумал: «Дались им мои путешествия! Неужели не понятно, что слова только всё разрушают? А потом ничегошеньки не остаётся: пытаешься припомнить, как оно было, и вспоминаешь только свой собственный рассказ».

Они долго молчали. Снова крикнула ночная птица.

И тогда зверёк встал и едва слышно пропищал:

— Ну что ж, тогда я пойду домой. До свидания.

— Пока, — сказал Снусмумрик и поёжился. — Слушай. Кстати… Ты про имя спрашивал. Ты мог бы зваться Титиуу. Титиуу — как тебе, а? Весёлое начало и долгое «у» в конце.

Зверёк стоял, глядя в одну точку, и глаза его горели жёлтым в отсветах костра. Он обдумывал своё новое имя, которое принадлежало только ему одному, пробовал его на вкус, прислушивался, заползал внутрь него и наконец, обратив мордочку к небу, нараспев протянул:

— Тити-у-у! — так печально и заворожённо, что у Снусмумрика по спине побежали мурашки.

В вереске мелькнул коричневый хвостик, и

всё стихло.

— Тьфу! — Снусмумрик пнул ногой угли. Вытряхнул трубку, потом наконец встал и крикнул: — Эй! Вернись.

Но лес молчал.

— Что ж, — сказал Снусмумрик. — Невозможно всегда быть общительным и любезным. У меня на это просто нет времени. К тому же имя своё зверёк получил.

Снусмумрик снова сел и стал ждать песню, прислушиваясь к ручью и к тишине. Но песня не приходила. Она улетела, понял Снусмумрик, и так далеко, что её уже не поймать. Возможно, никогда. В голове звучал только радостный и смущённый голос зверька, который всё говорил, говорил и говорил…

— Таким лучше дома сидеть, с мамочкой, — сердито сказал Снусмумрик и растянулся на еловых ветках.

Полежав немного, он сел и опять крикнул в сторону леса. Долго прислушивался, потом надвинул шляпу на нос и собрался спать.

На следующее утро Снусмумрик двинулся дальше. Он не выспался, настроение было скверное. Он брёл на север, не глядя ни вправо, ни влево, и под шляпой у него не звучало ничего похожего

на мелодию.

Зверёк никак не шёл у него из головы. Снусмумрик помнил каждое его слово и каждое своё слово и мысленно раз за разом повторял вчерашний разговор, пока ему не стало дурно; он не мог больше идти. Измождённый и совершенно сбитый с толку, Снусмумрик сел.

«Что это со мной? — разозлился он. — Никогда я таким не был. Должно быть, я заболел».

Снусмумрик встал и медленно побрёл дальше, снова и снова перебирая в памяти, что сказал зверёк и что он ему ответил.

Наконец он понял, что больше так не может. Когда солнце было уже высоко, Снусмумрик развернулся и зашагал обратно.

И вскоре он почувствовал себя лучше. Он шагал быстрее и быстрее, он спотыкался и бежал. Возле ушей кружили разные коротенькие мелодии, но ему было не до них. К вечеру он дошёл до берёзовой рощи и закричал:

— Тити-у-у! Тити-у-у!

Ночные птицы проснулись и — ти-у-у, ти-у-у! — ответили на его зов, но зверёк не откликался.

Снусмумрик исходил весь лес вдоль и поперёк, он искал, искал и звал, пока не наступили сумерки. Над полянкой взошёл месяц, Снусмумрик стоял и смотрел на него, совершенно растерян-

ный.

«Новый месяц народился, — подумал он. — Надо бы загадать желание».

Он хотел было уже загадать, как всегда, новую песню — или, как случалось иногда, новые дороги, — но быстро передумал и сказал:

— Разыскать Титиуу.

Потом три раза повернулся и пошагал через поляну в лес и напрямик через кряж. В кустах зашуршал кто-то светло-коричневый и взъерошенный.

— Тити-у-у! — медленно позвал Снусмумрик. — Я вернулся с тобой поговорить.

— О! Привет! — сказал Титиуу, выглянув из кустов. — Это хорошо, а я покажу тебе, что я сделал. Табличка на дверь! Смотри! Моё собственное новое имя, которое будет висеть на моей двери, когда у меня будет свой дом. — Зверёк показал обломок сосновой коры, на котором было вырезано его имя, и важно продолжил: — Красиво, правда? Все просто в восторге.

— Замечательно! — сказал Снусмумрик. — Значит, у тебя будет новый дом?

— Ага! — ответил зверёк, сияя от радости. — Я ушёл из дома и зажил настоящей жизнью! Это так увлекательно! Понимаешь, пока у меня не

было имени, я только метался туда-сюда, смотрел и принюхивался — как бы просто так, а события мельтешили и проносились мимо. Иногда они были опасные, иногда неопасные, но ни одно из них не было *настоящим*, понимаешь?

Снусмумрик хотел что-то сказать, но зверёк продолжал:

— Теперь я — самостоятельная личность, и всё, что происходит, имеет какой-то смысл. Потому что это происходит не просто так — это происходит со *мной*, с Титиуу. И Титиуу смотрит на вещи так или сяк. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Конечно понимаю, — заверил его Снусмумрик. — Я очень рад за тебя!

Титиуу кивнул и опять завозился в кустах.

— Знаешь, — сказал Снусмумрик. — Пожалуй, я всё-таки навещу Муми-тролля. Мне даже кажется, что я по нему соскучился.

— О?! — сказал Титиуу. — Муми-тролля? Ну да, конечно.

— И если хочешь, я могу тебе немного поиграть, — продолжил Снусмумрик. — Или порассказывать истории.

Зверёк выглянул из кустов и сказал:

— Истории? Ну да, конечно. Может быть, вечером. Сейчас я немного тороплюсь — надеюсь, ты

меня простишь…

Светло-коричневый хвостик мелькнул в вереске, несколько секунд ничего не было видно, а потом чуть вдалеке показались уши, и Ти-ти-у радостно крикнул:

— Пока! Передавай привет Муми-троллю! Я должен торопиться жить, ведь столько времени потрачено зря!

Не успел Снусмумрик и глазом моргнуть, как Ти-ти-у исчез.

Снусмумрик почесал в затылке.

— Так-так, — сказал он. — Ясно. Вот, значит, как.

Растянувшись во мху, он поглядел в ночное весеннее небо, синее сверху, а над деревьями зелёное, как море. Где-то под шляпой зашевелилась его песня — та, в которой будет толика приятных предвкушений и две толики весенней грусти, а остальное — бесконечный восторг одиночества.

Страшная история

Средний хомса пробирался на четвереньках вдоль забора. Иногда он ненадолго останавливался, высматривая врага в щели между досками. Младший брат следовал за ним.

Добравшись до огорода, хомса лёг на землю и дальше пополз на животе по грядкам салата. По-другому было нельзя. Вражеские шпионы были повсюду, некоторые даже в воздухе.

— Я буду весь чёрный, — сказал младший брат.

— Молчи, если жизнь тебе дорога, — прошептал хомса. — Конечно, ты будешь чёрный, а каким бы ты хотел стать в мангровых зарослях, синим, что ли?

— Это салат, — возразил младший хомса.

— Этак ты, пожалуй, скоро повзрослеешь, — предупредил его брат. — Станешь как мама и папа — и поделом тебе. Потом ты научишься видеть и слышать, как все, а это значит, что ты разучишься видеть и слышать, а там тебе и конец придёт.

— Ой, — сказал младший брат и запихнул в рот горсть земли.

— Эта земля отравлена, — коротко сказал хомса. — И то, что на ней растёт, тоже отравлено. Теперь нас заметили, и всё из-за тебя.

Через гороховые плети на них спикировали

два шпиона, но хомса быстро с ними разделался. Задыхаясь от напряжения и усталости, он сполз в канаву и замер неподвижно, как лягушка. Он вслушивался так, что дрожали уши, а голова раскалывалась на части. Другие шпионы бесшумно приближались, они медленно ползли по траве. По траве прерий. Их было не счесть.

— Эй, — позвал младший брат сверху. — Я хочу домой.

— Вряд ли ты когда-нибудь вернёшься домой, — мрачно заметил средний хомса. — Твои кости навсегда останутся белеть в прериях, мама и папа, оплакивая тебя, утонут в собственных слезах, и всё превратится в ничто и огласится одиноким воем гиен.

Младший брат открыл рот, набрал воздуха и заревел.

Судя по звуку, реветь он собирался долго, поэтому дальше хомса пополз один. Он не имел ни малейшего представления о расположении противника и не знал уже даже, как он выглядит.

Чувствуя, что его предали, хомса гневно подумал: «И зачем только нужны эти младшие братья! Лучше бы они сразу рождались взрослыми или не рождались вообще. Они ничего не знают о войне. Лучше бы их держать в ящике, пока не

наберутся ума».

В канаве было мокро, поэтому хомса встал и зашагал по воде. Это была большая и длинная канава. Хомса решил открыть Южный полюс и всё шёл и шёл вперёд. Он устал, силы были на исходе, потому что вода и провизия кончились и его, к сожалению, укусил белый медведь.

В конце концов канава ушла под землю, и Южный полюс целиком и полностью достался хомсе.

Он стоял на болоте.

Болото было серое, местами тёмно-зелёное, с блестящими чёрными озерцами. Повсюду, точно снег, белела пушица. Приятно пахло сыростью.

— Болото — запретное место, — рассуждал хомса вслух. — Маленьким хомсам сюда нельзя, а большие хомсы сюда не ходят. Но никто, кроме меня, не знает, что в нём опасного. Поздно ночью здесь проезжает большая призрачная колесница с большими тяжёлыми колёсами. Их стук слышен издалека, но кто сидит на козлах и правит — никому не известно…

— О нет! — похолодев, воскликнул хомса.

Его вдруг охватил страх — с самого живота до головы. Только что не было никакой колесницы, и никто о ней и не слыхивал. Однако стоило ему подумать о ней, как она появилась. Она где-то там, далеко, ждёт не дождётся темноты, чтобы пуститься в путь.

— Мне кажется, — сказал хомса, — мне кажется, что я сейчас — хомса, который десять лет ищет свой дом и наконец почувствовал, что дом где-то рядом.

Он принюхался, определяя направление, и пошёл, размышляя о разных болотных змеях и живых грибах, пока они не начали вырастать перед ним во мху.

«Они разом сожрут младшего брата, — подумал хомса. — Если ещё не сожрали. Они повсюду. Я опасаюсь худшего. Но надежда умирает последней — ведь всегда можно снарядить спасательную экспедицию».

Хомса побежал.

«Бедный брат, — думал он. — Такой маленький и такой глупый. Когда болотные змеи его схватят, у меня больше не будет младшего брата и я сам стану младшим…»

Он всхлипывал и продолжал бежать, волосы взмокли от ужаса. Спрыгнув в ручей, хомса пере-

брался на ту сторону и помчался дальше, мимо дровяного сарая, вверх по ступенькам, и всё кричал, кричал:

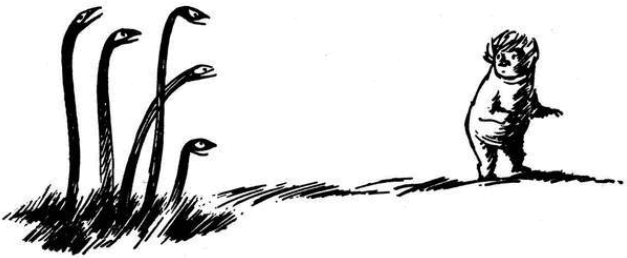
— Мама! Папа! Младшего брата съели!

Мама хомсы была большая и тревожная, она всегда была тревожная. Она вскочила на ноги, горох из её передника высыпался и раскатился по полу.

— Что такое? Что такое? Что ты говоришь? — закричала она. — Где твой брат? Ты за ним не следил?!

— Ах, — сказал хомса, слегка успокоившись. — Он провалился в трясину. И тогда почти сразу из норы выползла болотная змея. Она обвила его пухлый живот и откусила ему нос. Вот. Я в ужасе, но что я мог поделать? Болотных змей на свете куда больше, чем младших братьев.

— Змея?! — закричала мама.



Но папа сказал:

— Успокойся. Он шутит. Вот увидишь, он просто шутит.

И папа быстро, чтобы не начать волноваться, посмотрел на пригорок — и впрямь, там сидел младший хомса и ел песок.

— Сколько раз я просил тебя так не шутить, —

сказал папа, а мама поплакала немного и спросила:

— Может, его выпороть?

— Можно, — ответил папа, — но сейчас мне немного лень. Пусть просто признает, что так шутить некрасиво.

— Я не шутил, — возразил хомса.

— Ты сказал, что твоего брата съели, а его никто не ел, — объяснил папа.

— Ну и хорошо, разве нет? — воскликнул хомса. — Вы что, не рады? Лично я очень рад и чувствую большое облегчение. Понимаете, такие болотные змеи могут в один присест сожрать кого угодно. И не останется ничего — пустое место. Только гиена будет хохотать в ночи.

— Прошу тебя, перестань, — попросила мама. — *Пожалуйста*.

— Так что всё замечательно, — радостно заключил хомса. — У нас сегодня будет десерт?

Тогда папа вдруг разозлился и сказал:

— Ты сегодня останешься без десерта. И без ужина тоже, пока не осознаешь, что так шутить нельзя.

— Ясное дело, нельзя, — удивлённо ответил хомса. — Это некрасиво.

— Ну что ты будешь делать! — сказала мама. —

Ладно, пусть он поест, всё равно он ничего не понимает.

— Ну уж нет, — заупрямился папа. — Если я сказал, что он останется без ужина, значит так и будет.

Просто бедный папа решил, что если он возьмёт свои слова обратно, то хомса никогда ему больше не поверит.

Поэтому на закате хомса отправился спать без ужина, страшно обиженный на папу и маму. Конечно, они частенько с ним плохо обращались, но так — ещё никогда. И хомса решил уйти из дома. Не для того, чтобы их наказать, он просто почувствовал вдруг, что бесконечно устал от них и от их неспособности увидеть и понять, что́ по-настоящему важно или опасно.

Они провели черту, разделив мир на две части, и сказали, что с одной стороны — правда, что в неё можно верить и ей можно пользоваться, а с другой — сплошь выдумки и ненужная чепуха.

— Что бы они делали, окажись они лицом к лицу с хотомомбом? — бормотал хомса, на цыпочках спускаясь по лестнице на задний двор. — То-то удивились бы! Или с болотной змеёй. Я мог бы послать им одну — в ящике. Со стеклянной крышкой — всё-таки я не хочу, чтобы змея их сожрала.

Хомса пошёл на запретное болото, чтобы доказать самому себе, что он самостоятельный. Теперь болото было синее, почти чёрное, а небо — зелёное. На горизонте тянулась ярко-жёлтая полоса заката, отчего болото казалось бесконечно огромным и печальным.

— Это не шутки, — говорил хомса, шлёпая дальше. — Всё чистая правда. И враг, и хотомомб, и болотные змеи, и призрачная колесница. Они существуют точно так же, как ёлки, садовник, куры и самокат.

Хомса остановился среди осоки и замер, прислушиваясь.

Где-то далеко-далеко выкатилась призрачная колесница, вереск озарился красным. Колесница скрипела, стучала, катилась всё быстрее и быстрее.

— Не надо было говорить, что она существует, — сам себе сказал хомса. — Вот она и прикатила. Теперь только беги!

Болотные кочки уходили из-под ног; чёрные, как глаза, омуты выглядывали из осоки, грязь сочилась между пальцами.

— Только не думай о болотных змеях, — сказал себе хомса и тут же о них подумал, так сильно и так живо, что змеи выползли из нор и заобли-

зывались.

— Хочу быть таким, как мой толстый брат! — в отчаянии воскликнул хомса. — Он думает животом и объедается опилками, песком и землёй, пока они не встанут комом у него в горле. Однажды он попытался съесть свой воздушный шарик. Если бы ему это удалось, мы бы никогда его больше не увидели.

Поражённый этой мыслью, хомса остановился. Маленький толстый брат поднимается в воздух. Ножки беспомощно торчат в стороны, а изо рта свисает верёвочка…

О нет!

Вдалеке на болоте горело окошко. Как ни странно, это была не призрачная колесница, а всего лишь маленькое квадратное окошко, светившееся ровным светом.

— Сейчас ты туда пойдёшь, — сказал хомса. — Пойдёшь, не побежишь — иначе испугаешься. И ни о чём не думай, просто иди.

Домик был круглый, — видно, там жила какая-то мюмла. Хомса постучал. Потом постучал ещё раз, и ещё, и, не дождавшись ответа, вошёл.

Внутри было тепло и уютно. Лампа стояла на подоконнике, и ночь из-за неё казалась чёрной как уголь. Где-то тикали часы, а со шкафа, с самого верха, на хомсу смотрела крошечная мюмла.

— Привет, — сказал хомса. — Еле ноги унёс. Болотные змеи и живые грибы! Если б ты только знала!

Маленькая мюмла пристально разглядывала его. Немного помолчав, она сказала:

— Я Мю. Я тебя уже видела. Ты выгуливал маленького толстого хомсу и всё время бормотал себе под нос и размахивал лапами. Ха-ха.

— Ну и что? — ответил хомса. — Почему ты сидишь на шкафу? Это глупо.

— Как сказать… — протянула малышка Мю. — Для кого-то, может, и глупо, а для меня — един-

ственное спасение от страшной судьбы. — Она свесилась со шкафа и прошептала: — Живые грибы добрались до гостиной.

— Что?! — воскликнул хомса.

— Отсюда мне видно, что они сидят и за дверью тоже, — продолжала малышка Мю. — Ждут. Было бы неплохо свернуть этот ковёр и подложить под дверь. Иначе они проползут в щель.

— Ты серьёзно? — спросил хомса. В горле у него застрял комок. — Этих грибов ещё утром не было. Это я их придумал.

— Вот как? — высокомерно отозвалась Мю. — Такие липкие, да? Которые растут толстым слоем и могут заползти на тебя и приклеиться?

— Я не знаю, — дрожащим голосом прошептал хомса. — Я не знаю…

— Моя бабушка уже вся ими заросла, — как бы между прочим сказала Мю. — Она там, в гостиной. Вернее, то, что от неё осталось. Она теперь похожа на большой зелёный холм, только усики торчат с одного боку. Ты под эту дверь тоже коврик подложи. Если это, конечно, поможет.

Сердце хомсы громко стучало, руки не слушались. Он с большим трудом свернул коврики. Где-то в доме продолжали тикать часы.

— Это от грибов такой звук, — объяснила Мю. — Они растут, растут, пока двери не лопнут, и тогда они заползут на тебя.

— Я хочу на шкаф! — завопил хомса.

— Здесь нет места, — сказала Мю.

В дверь с улицы постучали.

— Странно, — проговорила малышка Мю и вздохнула. — Странно, что они утруждают себя стуком, хотя могут войти, когда захотят…

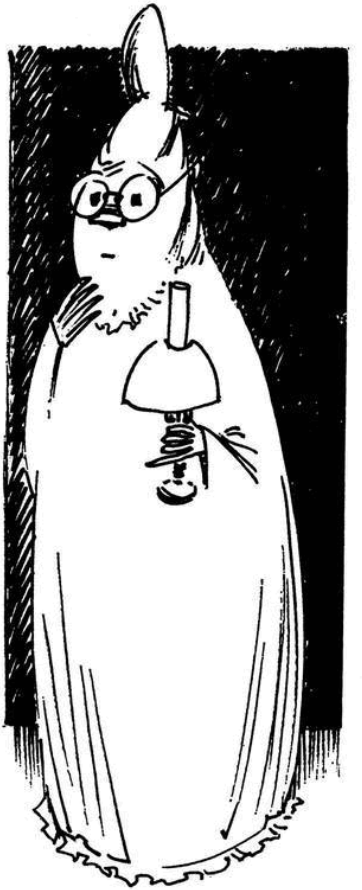
Хомса бросился к шкафу и попытался залезть наверх. Стук повторился.

— Мю! Стучат! — крикнул кто-то в доме.

— Да, да, да, — крикнула Мю в ответ. — Открыто! Это бабушка, — объяснила она хомсе. — Удивительно, что она до сих пор может говорить.

Хомса не сводил глаз с двери в гостиную. Она медленно отворилась — маленькая чёрная щёлка. Хомса вскрикнул и кубарем закатился под диван.

— Мю, — сказала бабушка. — Сколько раз я просила тебя открывать, когда стучат! И зачем ты положила под дверь коврик? И почему ты никогда не дашь мне спокойно поспать!



Это была ужасно старая и сердитая бабушка в широкой белой ночной рубашке. Она прошаркала через комнату, открыла входную дверь и сказала:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — ответил папа хомсы. — Извините за беспокойство. Вы, случайно, не видели моего сына, среднего?..

— Он под диваном! — крикнула малышка Мю.

— Можешь вылезать, — сказал папа хомсе. — Я на тебя не сержусь.

— Вот как, под диваном, значит. Ясно, — устало сказала бабушка. — Знаете, я очень люблю, когда в гости приходят внуки, и Мю тоже может приглашать сюда своих друзей. Но я бы предпочла, чтобы дети играли днём, а не ночью.

— Мне очень жаль, — быстро проговорил папа. — В следующий раз мой сын придёт утром.

Хомса вылез из-под дивана. Не глядя ни на Мю, ни на её бабушку, он прошёл прямиком к двери, шагнул на крыльцо и дальше, в темноту.

Папа шёл рядом молча. Хомса чуть не плакал от обиды.

— Папа! Эта девочка… ты себе не представляешь… Я туда больше никогда не пойду! — взахлёб возмущался он. — Она обманула меня! Она надо

мной подшутила! Она такая обманщица, что просто тошно!

— Понимаю, — успокоил его папа. — Это действительно бывает ужасно неприятно.

И они вернулись домой и съели всё, что осталось от десерта.

Филифьонка, которая верила в катастрофы

Как-то раз одна филифьонка стирала в море свой большой тканый коврик. Она тёрла его щёткой и мылом до голубой полоски, потом дожидалась седьмой волны, и та смывала пену.

Потом она тёрла дальше, до следующей голубой полоски. Солнце пригревало ей спину, а она всё тёрла и тёрла, стоя худенькими ножками в воде.

Был тёплый и безветренный летний день, как нельзя лучше подходящий для стирки ковриков. В помощь Филифьонке набегали прибрежные волны, вялые и сонные, а вокруг её красной шапочки жужжали шмели, по ошибке приняв Филифьонку за цветок.

«Веселитесь, — горестно подумала Филифьонка. — Я-то знаю, как всё обстоит на самом деле.

Такое затишье всегда предшествует катастрофе».

Она достирала до последней голубой полоски, дождалась седьмой волны, а потом опустила весь половик в море, чтобы хорошенько прополоскать.

Под водой, на гладком красном валуне, плясали солнечные зайчики. Пробегая мимо Филифьонки, они запрыгивали ей на ноги и золотили пальцы.

Филифьонка задумалась. Может, приобрести новую шапочку, оранжевую? Или вышить сол-

нечных зайчиков по кромке старой? Золотыми нитками. Только вот танцевать они, конечно, не смогут. И что делать с новой шапочкой, когда придёт беда? Да и какая, в конце концов, разница, в чём погибать…

Филифьонка вытащила половик на берег, выбила его о камень и стала уныло топтаться по нему, чтобы отжать остатки воды.

Слишком уж хороша нынче погода, неестественно хороша. Что-то непременно произойдёт. Филифьонка точно это знала. Где-то за горизонтом сгущалось нечто тёмное и ужасное — оно карабкалось вверх, оно приближалось, быстрее и быстрее…

— Знать бы ещё, что это такое, — еле слышно прошептала Филифьонка. — Море почернеет, раздастся далёкий рокот, погаснет солнце…

Филифьонкино сердце заколотилось, спина похолодела. Она резко обернулась, словно сзади притаился враг. Но море сверкало всё так же весело, солнечные зайчики на дне выписывали игривые восьмёрки, а летний ветер утешительно ласкал лицо.

Но не так-то просто утешить филифьонку, которую вдруг ни с того ни с сего охватила паника.

Дрожащими руками она разложила коврик на

просушку, схватила мыло и щётку и побежала домой ставить чай. Гафса обещала зайти около пяти.

Дом, где жила Филифьонка, был большой и не особенно красивый. Кто-то, видно желая избавиться от остатков старой краски, выкрасил его тёмно-зелёным снаружи и коричневым изнутри. Филифьонка сняла его без мебели у одного хемуля, который уверял её, что Филифьонкина бабушка в юности любила бывать здесь летом. А поскольку Филифьонка очень дорожила семейными узами, она сразу решила, что снимет тот же дом в память о бабушке.

В первый же вечер Филифьонка сидела на крыльце, поражаясь тому, какой не похожей на саму себя была её бабушка в юности. Как, спрашивается, истинная филифьонка, столь тонко чувствующая красоту природы, могла поселиться на этом жутком, пустынном берегу? Ни тебе фруктового сада, чтобы наварить варенья на зиму, ни жалкого деревца, в листве которого можно устроить беседку. Даже пейзаж и тот не радует.

Филифьонка вздыхала, обречённо глядя на зелёное предзакатное море, окаймлявшее берег прибоем. Повсюду, куда ни глянь, зелёное море, белый песок, красные водоросли. Идеальное ме-

сто для катастроф. Глазу не за что зацепиться.

Потом-то, конечно, Филифьонка узнала, что всё это ошибка.

Она поселилась в этом жутком доме на этом жутком берегу совершенно напрасно. Её бабушка жила в другом доме. Вот как бывает в этой жизни.

Но поскольку Филифьонка уже сообщила о своём переезде всем родственникам, она решила остаться, ведь куда же это годится — без конца переезжать с места на место.

Родственники могут подумать, что она легкомысленная ветреница.

Филифьонка осталась и попыталась навести уют. Это оказалось непросто. Потолки в комнатах были такие высокие, что вечно тонули в тени. Окна — такие громадные и угрюмые, что никакой тюль в мире не превратил бы их в приветливые окошки. Эти окна не для того, чтобы смотреть на улицу, наоборот — в них мог заглянуть любой прохожий, а это Филифьонке было не по душе.

Она пробовала обустроить уютные уголки, но уюта не получалось. Её мебель терялась в чужом, огромном пространстве. Стулья беспомощно теснились у стола, диван боязливо жался к стене, а круглые пятна света, падавшие от ламп, каза-

лись такими же одинокими, как дрожащий луч карманного фонарика в тёмном лесу.

Как у всех настоящих филифьонок, у неё было много разных безделушек. Зеркальца, фотографии родственников в рамках из бархата и ракушек, фарфоровые кошечки и хемули на вязанных крючком салфетках, изящные афоризмы, вышитые шёлком и серебром, крошечные вазочки и симпатичные грелки на чайник в виде мюмл — словом, всё то, что скрашивает жизнь и делает её не такой большой и опасной.

Но в мрачном доме у моря эти прекрасные, любимые Филифьонкой вещи не приносили ей утешения и потеряли свой смысл. Она переставляла их со стола на комод, с комода на подоконник, но они всюду оказывались не на месте.

И вот они опять. Стоят, такие же никчёмные.

Филифьонка замерла в дверях, глядя на безделушки и ища у них поддержки. Но они были так же беспомощны, как и она сама. Филифьонка вошла в кухню и положила щётку и мыло возле раковины. Потом разожгла огонь, поставила воду на плиту и взяла самые красивые чашки с золотой каёмкой. Сняла с полки блюдо с печеньем, ловко сдула крошки с краёв и положила сверху

немного свежего печенья с глазурью, чтобы произвести впечатление на Гафсу.

Гафса пила чай без сливок, но Филифьонка всё равно достала серебряный бабушкин сливочник в форме лодочки. Сахар она подала в маленькой бархатной корзиночке с расшитой жемчугом ручкой.

Накрывая на стол, она чувствовала себя совершенно спокойно, и мысли о катастрофе её не тревожили.

Жаль только, в этих безнадёжных краях не найти приятных, подходящих к её обстановке цветов. То, что нарвала Филифьонка, было похоже на злобный ощетинившийся куст и никак не сочеталось с гостиной. Филифьонка наградила куст недовольным вздохом и шагнула к окну — проверить, не идёт ли Гафса.

Потом быстро подумала: «Нет-нет. Не буду смотреть. Подожду, когда она постучит. И тогда подбегу, открою, и мы обе обрадуемся и будем болтать, болтать… А то вдруг я выгляну, а берег окажется пуст до самого маяка? Или, чего доброго, увижу маленькую приближающуюся точку — а я так не люблю, когда что-то неумолимо приближается… Или вдруг эта точка, наоборот, начнёт уменьшаться и в конце концов исчезнет…»

Филифьонка задрожала. «Что со мной? — подумала она. — Надо обсудить это с Гафсой. Возможно, Гафса не самая приятная собеседница, но больше я никого не знаю».

В дом постучали. Филифьонка бросилась в прихожую и заговорила ещё до того, как открыла дверь.

— …Какая нынче погода! — закричала она. — А море, море… такое синее, приветливое, ни ветерка! Как поживаете? Вы изумительно выглядите, но я ничуть не удивлена… Этот образ жизни, природа, свежий воздух… ведь это так всё упрощает, правда?

«Сегодня она ещё тревожнее, чем обычно», — подумала Гафса и сняла перчатки (ибо она была настоящей дамой), а вслух сказала:

— Ну конечно. Вы совершенно правы, фру Филифьонка.

Дамы сели за стол, и от счастья, что она не одна, Филифьонка говорила без умолку и пролила чай на скатерть.

Гафса нахваливала печенье, и сахарницу, и всё, что попадалось ей на глаза. Только о цветах ничего не сказала. Гафса была хорошо воспитана. Ведь кто угодно заметил бы, что злобный дикий куст не сочетается с чайным сервизом.

Скоро Филифьонка умолкла, а поскольку Гафса тоже ничего не говорила, в комнате повисла тишина.

Вдруг солнечный свет на скатерти потух. Громадные угрюмые окна заволокло тучами, и дамы услышали отдалённый шум ветра с моря. Как шёпот.

— Фру Филифьонка, вы, кажется, постирали коврик? — вежливо поинтересовалась Гафса.

— Да, ведь говорят, морская вода идеально подходит для ковриков, — ответила Филифьонка. — Краски не линяют, и запах потом такой свежий…

«Надо, чтобы Гафса поняла, — думала она. — Надо, чтобы хоть кто-нибудь понял, как мне страшно. Понял и сказал: ну конечно, я отлично тебя понимаю. Или так: милая, ну чего ты боишься? В такой погожий летний день! Что угодно, лишь бы что-нибудь сказали».

— Это печенье я испекла по бабушкиному рецепту, — сказала Филифьонка. И, перегнувшись через стол, прошептала: — Такое затишье неестественно. Оно не к добру. Гафса, голубушка, поверьте, мы так ничтожны с этим нашим печеньем, ковриками и другими важными, вы понимаете, очень важными вещами, существова-

нию которых всегда угрожает неумолимый рок…

— О… — смутившись, ответила Гафса.

— Да-да, неумолимый рок, — торопливо продолжила Филифьонка. — Непостижимый, глухой к мольбам, вопросам и доводам. Мелькнув за чёрным стеклом, далеко на дороге, на горизонте в море, он растёт, растёт и является нам, когда уже слишком поздно. Вы, Гафса, никогда об этом не думали? Ну скажите, что вам знакомо это чувство. Прошу вас, скажите, что знакомо.

Раскрасневшаяся Гафса крутила и крутила в руках сахарницу, уже сто раз пожалев, что пришла.

— В это время, ближе к концу лета, случаются порой нешуточные штормы, — осторожно проговорила она наконец.

Филифьонка разочарованно замолчала и замкнулась. Гафса подождала немного, а потом продолжила, слегка раздражённо:

— В эту пятницу я вывешивала бельё на просушку — и, поверите ли, до самой калитки бежала за своей лучшей наволочкой, такой был ветер. А каким средством для стирки вы пользуетесь, фру Филифьонка?

— Не помню, — ответила Филифьонка и вдруг почувствовала ужасную усталость оттого, что Гафса даже не попыталась её понять. — Хотите ещё чаю?

— Нет, спасибо, — сказала Гафса. — Было чрезвычайно приятно к вам заглянуть. Но боюсь, мне пора потихоньку возвращаться домой.

— Конечно-конечно, — ответила Филифьонка. — Понимаю.

Небо над морем почернело, у берегов ворчали волны.

В комнате было мрачновато, но если бы Филифьонка зажгла лампу уже сейчас, Гафса решила бы, что ей страшно, сидеть же без света было неприятно. Острый носик Гафсы сморщился

сильнее обычного, казалось, ей тут не по себе. Но Филифьонка не встала проводить её, она сидела неподвижно, ничего не говоря, и только крошила глазированное печенье на маленькие кусочки.

«Какая неловкость», — подумала Гафса и, незаметно взяв с комода свою сумочку, сунула её под мышку. Зюйд-вест усиливался.

— Вы говорили о ветре, — внезапно сказала Филифьонка. — О ветре, который унёс ваше бельё. Я же говорю о циклонах. О тайфунах, дорогая Гафса. О торнадо, смерчах, цунами и песчаных бурях… О наводнениях, уносящих дома… Но в первую очередь я говорю о себе, хотя знаю, что это неприлично. Я знаю, что грядёт хаос. Я всё время об этом думаю. Даже когда стираю свой половик. Вы меня понимаете? Вы испытываете что-то подобное?

— Можно добавить уксус, — сказала Гафса, глядя в свою чашку. — Чтобы тканые половики не линяли, можно добавить в воду для полоскания немного уксуса.

И тогда Филифьонка не на шутку разозлилась, что было очень на неё не похоже. Ей нестерпимо захотелось как-то задеть Гафсу, и она сделала первое, что пришло ей в голову: указав на страшненький куст, закричала:

— Посмотрите! Какой красивый цветок! И так прекрасно сочетается с сервизом!

И тогда Гафса тоже разозлилась. И тоже почувствовала ужасную усталость. Вскочив со стула, она воскликнула:

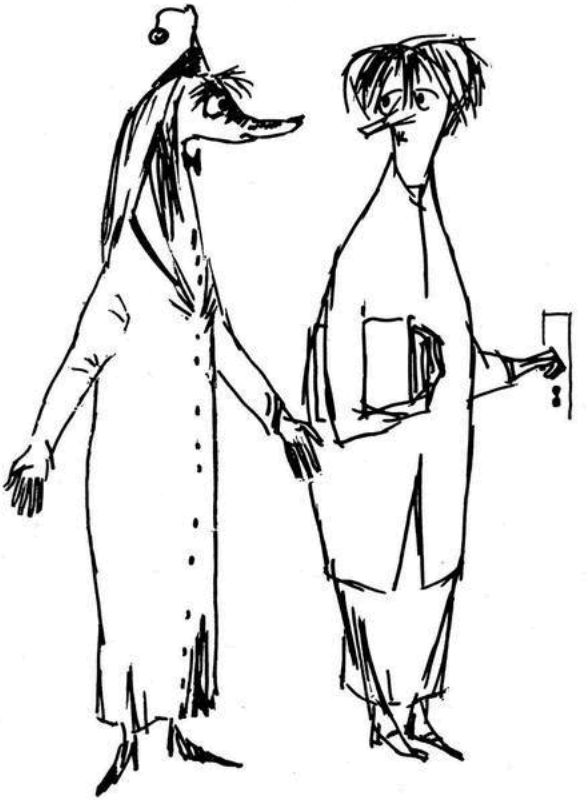
— Вовсе нет! Ваш цветок слишком нелепый, колючий, броский и вызывающий, он никак, ну никак не подходит для чаепития!

Дамы попрощались, Филифьонка закрыла дверь и вернулась в гостиную, огорчённая и разочарованная. Чаепитие не удалось. Серый колючий куст, усыпанный тёмно-красными цветами, стоял посреди стола. Вдруг Филифьонке подумалось, что дело не в цветах, что на самом деле во всём виноват сервиз, который вообще ни с чем не сочетается.

Она поставила куст на подоконник.

Море переменилось. Вода посерела, волны обнажали белые зубы и злобно клацали ими у берега. Небо было красноватое и тяжёлое.

Филифьонка долго-долго стояла у окна и слушала разгулявшийся ветер.



Вдруг зазвонил телефон.

— Фру Филифьонка? — осторожно спросил Гафсин голос на другом конце.

— Ну конечно, это я, — ответила Филифьонка. — Здесь, кроме меня, никто не живёт. Вы благополучно добрались до дома?

— Да-да, — сказала Гафса. — Похоже, опять поднимается ветер. — Гафса немного помолчала, а потом добродушно продолжила: — Фру Филифьонка? Все эти ужасы, о которых вы рассказывали… Они с вами часто случаются?

— Нет, — ответила Филифьонка.

— То есть только иногда?

— Вообще-то, ещё ни разу не случались, — сказала Филифьонка. — Просто чувство такое.

— О, — сказала Гафса. — Честно говоря, я просто хотела поблагодарить вас за чай. Значит, с вами никогда ничего такого не случалось?

— Нет, — ответила Филифьонка. — Спасибо за звонок. Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Я тоже, — сказала Гафса и повесила трубку.

Филифьонка посидела немного, ёжась от холода и поглядывая на телефон.

«Скоро почернеет в окнах, — подумала она. — Можно завесить их одеялами. Можно отвернуть зеркала к стене». Но не стала ничего делать, а просто продолжала сидеть, слушая, как воет в

трубе ветер. Точь-в-точь как маленький брошенный зверёк.

С южной стороны дома по стене застучал рыболовный сачок, оставшийся от хемуля, но Филифьонка не решилась выйти, чтобы положить его на землю.

Дом дрожал мелкой, едва ощутимой дрожью. Ветер задул иначе — теперь он набрасывался порывами, слышно было, как буря изготовилась к прыжку и скачка́ми помчалась по морю.

С черепичной крыши сорвалась одна плитка и раскололась вдребезги о камни. Филифьонка вздрогнула, встала и быстро прошла в спальню. Но в спальне слишком просторно — вряд ли тут безопасно. Кладовка! Маленькая, укромная. Филифьонка схватила одеяло и бросилась в кухню. Ногой распахнула дверцу в кладовку и, тяжело дыша, захлопнула за собой. Звуки шторма сюда почти не долетали. К тому же в кладовке не было окон, только маленькое вентиляционное отверстие.

Филифьонка на ощупь пробралась вглубь, за мешок с картошкой, и, накрывшись одеялом, свернулась в клубок под полкой с вареньем.

Пока она сидела, её воображение стало рисовать собственный шторм, намного чернее и

безудержнее того, что сотрясал её дом. Гребешки пены превратились в больших белых драконов, смерч с рёвом закрутил и поднял в воздух столб воды на горизонте — чёрный сверкающий столб, он мчался прямо к ней, всё ближе и ближе…

Бури в её воображении всегда были страшнее

настоящих, всегда. И в глубине души Филифьонка немного гордилась своими катастрофами, которые были только её, и больше ничьи.

«Гафса — дура, — рассуждала она про себя. — Глупая дамочка, которая думает только о печенье и наволочках. И в цветах она тоже ничего не смыслит. Ей меня никогда не понять. Сейчас она сидит дома, уверенная, что со мной никогда ничего не случалось. А я каждый день переживаю конец света и всё же каждый день одеваюсь, раздеваюсь, ем, мою посуду и как ни в чём не бывало принимаю гостей!»

Филифьонка высунула нос из кладовки, строго поглядела в темноту и сказала:

— Я вам покажу.

Что бы это ни значило. Потом снова заползла под одеяло и заткнула уши.

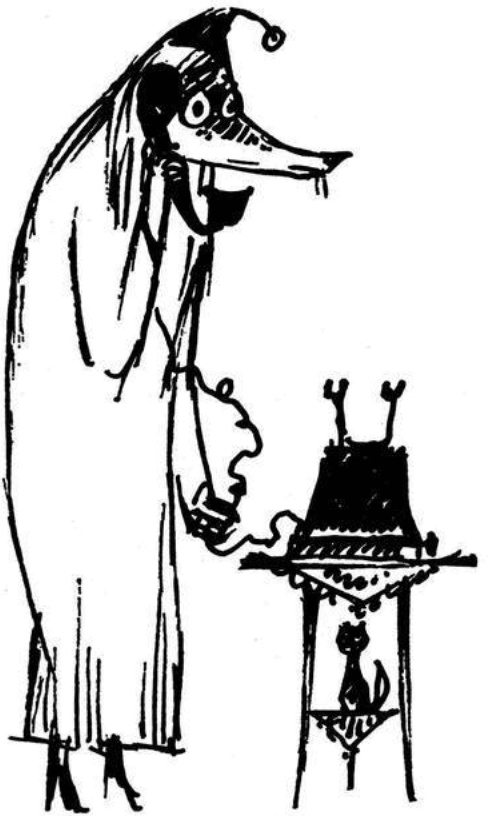
Но дело шло к полуночи, а шторм всё усиливался. К часу ночи скорость ветра достигала сорока шести метров в секунду.

Около двух пополуночи ветер сорвал печную трубу. Половина упала перед домом, остальное обрушилось в дымоход. Через пролом в потолке виднелось тёмное ночное небо с большими быстрыми облаками. Потом буря ворвалась в дом, и тут уж ничего нельзя было разобрать: в воздухе

кружилась зола из камина, трепыхались занавески и скатерти, носились семейные фотографии. Перепуганные безделушки ожили, повсюду раздавался шелест, дребезг и звон, двери хлопали, картины попа´дали на пол.

Филифьонка стояла посреди гостиной в развевающейся юбке, словно очнувшись ото сна, вид у неё был дикий. «Вот он, — взволнованно думала она. — Хаос. Наконец-то. Мне не нужно больше ждать».

Она сняла телефонную трубку, чтобы позвонить Гафсе и спокойно и торжествующе сказать нечто такое, что раз и навсегда поставит её на место.



Но телефонные провода оборвало ветром.

Филифьонка не слышала ничего, кроме бури и грохота осыпающейся черепицы. «Если я выйду на улицу, крышу сдует ветром и она упадёт мне на голову, — думала она. — Если спущусь в подвал, на меня рухнет весь дом. Впрочем, дом рухнет в любом случае».

Она схватила фарфоровую кошечку и крепко прижала к груди. В эту секунду ветер распахнул окно, и стекло тотчас разлетелось по полу. Дождь застучал по гарнитуру из красного дерева, а гипсовый хемуль упал со своего пьедестала и разбился.

Большая стеклянная люстра, доставшаяся Филифьонке от дяди, с грохотом обрушилась на пол. Филифьонка слышала, как кричат и стонут её вещи. Увидев в осколке разбитого зеркала своё бледное отражение, она не задумываясь бросилась к окну и выпрыгнула на улицу.

Филифьонка села на песок. Тёплый дождь поливал ей лицо, платье развевалось вокруг неё, как парус.

Она зажмурилась. Было ясно, что она находится в самом центре опасности и с этим ничего, ничего не поделаешь.

Шторм грохотал себе дальше, мерно и неумолимо. Но тревожные звуки исчезли — всё, что

завывало, трещало, звенело, стучало и рвалось на части, осталось в доме. Опасность была там, а не снаружи.

Филифьонка осторожно вдохнула резкий запах водорослей и открыла глаза.

Темнота больше не была чёрной, как в гостиной.

Она увидела волны и свет маяка, медленно озарявший ночь. Луч проплыл мимо неё, скользнул над дюнами, затерялся вдали у горизонта, вернулся, и всё повторилось вновь: так, по кругу, по кругу, ровный свет вращался в ночи, пристально наблюдая за штормом.

«А ведь я ни разу в жизни не выходила на улицу ночью одна, — подумала Филифьонка. — Видела бы меня сейчас мама…»

Филифьонка поползла против ветра вниз, к берегу, подальше от дома хемуля. Фарфоровую кошечку она всё ещё крепко сжимала в руке — ей было спокойнее оттого, что можно хоть кого-то защитить. Море стало белым от пены. Гребешки волн срывались в воздух и, как дым, повисали над берегом. Во рту чувствовался вкус соли.

Позади раздавались грохот и звон — в доме что-то рушилось. Но Филифьонка не оглядывалась. Она залезла за большой камень и широко открытыми глазами уставилась в ночь. Озноб прошёл. Прошёл и страх. Для Филифьонки это было необычное ощущение, и она находила его

восхитительно приятным. С чего ей вообще волноваться? Ведь катастрофа уже происходит.

Ближе к утру шторм утих, но Филифьонка этого и не заметила. Она размышляла о себе, о своих катастрофах, о своей мебели и о том, сможет ли она снова расставить всё по местам. Ведь буря сломала всего лишь печную трубу.

Однако Филифьонка чувствовала, что ничего важнее с ней ещё не случалось. Буря встряхнула её, перевернула всё вверх тормашками, и Филифьонка не знала, как ей обрести равновесие.

Старой Филифьонки больше нет, и вряд ли она станет по ней скучать.

Но как же вещи — вещи старой Филифьонки? Те, что разбились, перепачкались в саже, треснули и промокли? Что же теперь — неделями напролёт их чинить? Клеить, латать, искать потерянные осколки?..

Отстирывать, утюжить, закрашивать и огорчаться, что не всё удалось исправить? Знать, что где-то всё равно остались трещины и что раньше всё выглядело гораздо красивее… Ну уж нет! А потом расставлять злополучный скарб в тех же самых унылых комнатах и, так же как раньше, убеждать себя, что так уютнее…

— Ни за что! — крикнула Филифьонка и подня-

лась на онемевших ногах. — Если я верну всё как было, я стану такой же, как раньше. Мне опять будет страшно… Я точно знаю. Циклоны, цунами и тайфуны будут ходить за мной по пятам…

Она взглянула наконец на дом хемуля. Дом стоял на месте. Всё, что поломалось, поджидало её внутри.

Никогда ещё ни одна настоящая филифьонка не бросала на произвол судьбы свою прекрасную мебель, унаследованную от предков…

— Мама сказала бы, что существует такое понятие, как долг, — пробормотала Филифьонка.

Было уже утро.

Восточный горизонт ждал рассвета. Над водой шныряли пугливые порывы ветра, в небе пестрели облака, забытые бурей. Мимо прокатились глухие раскаты грома.

В воздухе ощущалось беспокойство, волны метались из стороны в сторону, сами не зная, чего хотят. Филифьонка медлила.

И тут она увидела смерч.

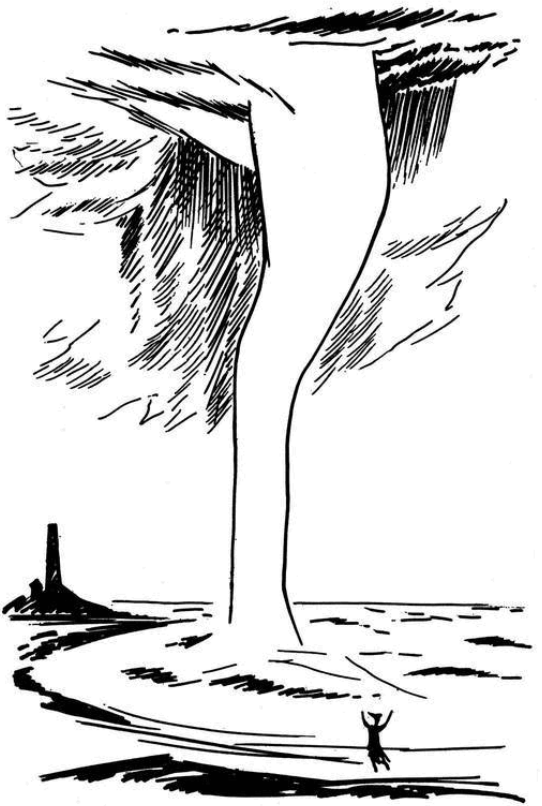
Он совсем не походил на чёрный сверкающий водяной столб из её фантазий. Этот смерч был настоящий. Светлый. Этот смерч был вихрем из пушистых облаков и закручивался книзу в гигантскую спираль, белую как мел там, где вода

поднималась из моря ей навстречу.

Этот смерч не ревел и никуда не спешил. Он просто молча приближался к берегу, плавно покачиваясь в воздухе и розовея в первых лучах солнца.

Бесконечно высокий, он беззвучно и мощно вращался вокруг своей оси, подползая всё ближе, ближе…

Филифьонка замерла, не в силах пошевелиться. Сжимая фарфоровую кошечку, она думала: «О моя катастрофа, моя прекрасная, восхитительная катастрофа…»



Смерч ступил на берег недалеко от Филифьонки. Белый вихрь — теперь это был столб из песка — величаво проплыл мимо и уверенным движением подхватил крышу с дома хемуля. На глазах у Филифьонки крыша поднялась в воздух и исчезла из виду. Вся её мебель взмыла ввысь и тоже пропала. В небо взлетели все безделушки и украшения: салфетки, семейные фотографии, грелки на чайник, бабушкин сливочник и изящные афоризмы, вышитые шёлком и серебром, — всё, всё! А Филифьонка восхищённо думала: «Как хорошо! Где мне, бедной маленькой филифьонке, тягаться с природной стихией? Что можно после этого починить? Ничего! Всё выметено, всё сметено подчистую!»

Смерч торжественно шагал вглубь суши, он вытягивался, разрывался. И исчез, больше не нужный.

Филифьонка глубоко вздохнула.

— Теперь мне никогда не будет страшно, — сказала она сама себе. — Теперь я свободна. Теперь я готова на всё.

Она посадила кошечку на камень. Во время ночных злоключений одно ухо откололось, а нос испачкался в мазуте. Из-за этого вид у кошечки сделался хитроватый и заносчивый.

Вставало солнце. Филифьонка спустилась на мокрый пляж. На песке лежал её половик. Море украсило его ракушками и водорослями. Ни один коврик в мире ещё не был так тщательно отстиран. Филифьонка хихикнула. Взяв половик в руки, она шагнула в прибой.

Филифьонка нырнула в большую зелёную волну, потом уселась на коврик и поплыла в белой шипящей пене, потом снова нырнула, до самого дна.

Одна за другой на неё накатывали прозрачно-зелёные волны. Филифьонка вынырнула на поверхность, к солнцу, она отплёвывалась, смеялась, кричала и кружилась со своим ковриком в высоких прибрежных волнах.

Ни разу в жизни она так не веселилась.

Гафса долго не могла до неё докричаться. Наконец Филифьонка её заметила.

— Какой кошмар! — кричала Гафса. — Милая, бедная фру Филифьонка!

— С добрым утром! — сказала Филифьонка и вытащила коврик на берег. — Как поживаете?

— Я в ужасе! — воскликнула Гафса. — Ну и ночь! Я всё время думала только о вас. Я его видела! Я видела, как он приближается! Настоящая катастрофа!

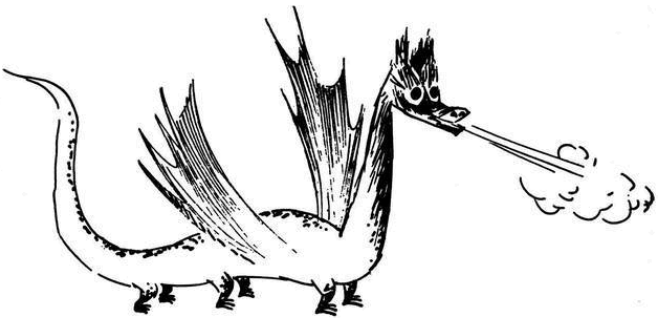
— Вы о чём? — невинно поинтересовалась Филифьонка.

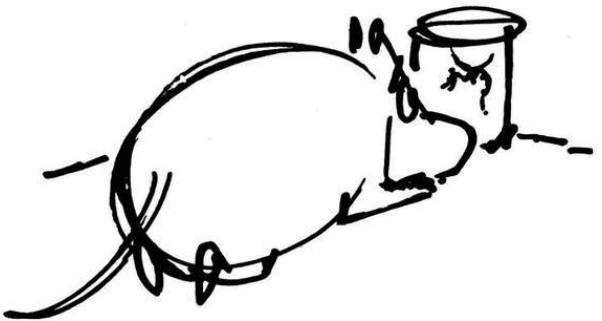
— Вы были правы, ах, как же вы были правы! — причитала Гафса. — Ведь вы говорили, что надвигается катастрофа. А ваши замечательные, красивые вещи! Ваш прекрасный дом! Я всю ночь пыталась до вас дозвониться, я так волновалась, но линии оборвало ветром…

— Спасибо, — сказала Филифьонка, отжимая шапочку. — Но вам совершенно не стоило беспокоиться. Вы же знаете: чтобы коврик не полинял, надо лишь добавить в морскую воду немного уксуса! К чему волноваться?

И Филифьонка села на песок и засмеялась так, что на глазах выступили слёзы.

История о последнем в мире драконе





Однажды в конце лета, в четверг, Муми-тролль поймал маленького дракона — в том самом озерце с тёмной водой справа от дерева, где висит папин гамак.

Разумеется, ловить дракона вовсе не входило в его намерения. Он просто надеялся поймать несколько водяных козявок, которые носились по илистому дну, и посмотреть, как они гребут ножками и действительно ли они плавают задом наперёд. Но когда он быстрым движением вытащил банку из воды, в ней было что-то совсем другое.

— Отсохни мой хвост! — восхищённо прошептал Муми-тролль, держа банку обеими лапами и

не сводя с неё глаз.

Дракон был не больше спичечного коробка, он двигался в воде, грациозно помахивая прозрачными крылышками, изящными, как плавники золотой рыбки.

Но ни одна золотая рыбка не смогла бы похвастать такой обильной позолотой. Этот миниатюрный дракон весь сверкал золотом, оно струилось и переливалось в лучах солнца, а на ярко-зелёной головке горели два глаза — жёлтые, как лимоны. У него было шесть позолоченных лап с крошечными зелёными пальчиками, хвост — тоже золотой, к кончику плавно переходящий в зелёный. Словом, это был удивительный дракон.

Муми-тролль закрутил крышку (с дырочками для воздуха) и осторожно поставил банку в мох. Потом лёг на живот и стал разглядывать дракона вблизи.

Дракон подплыл к стеклу и разинул пасть, полную малюсеньких белых зубов.

«Он злится, — подумал Муми-тролль. — Такой маленький, а злится. Что мне сделать, чтобы он полюбил меня? И что он ест? Чем вообще питаются драконы?..»

Взволнованный и разгорячённый, Муми-тролль взял банку и пошёл домой, стараясь

ступать осторожно, чтобы дракон не ударился о стекло. Ведь он был такой хрупкий и нежный.

— Я буду о тебе заботиться и любить тебя, —

прошептал Муми-тролль. — Ночью ты можешь спать на моей подушке. А когда ты подрастёшь и немного полюбишь меня, мы будем вместе плавать в море…

Муми-папа возился на табачной грядке. Конечно, можно было бы сразу показать ему дракона. Но можно и подождать. До поры до времени. Лучше всё-таки денёк-другой подержать дракона при себе, чтобы он немного привык. И тайком от всех, в предвкушении самой большой радости, показать его Снусмумрику. Крепко прижав банку к груди, Муми-тролль с самым что ни на есть безразличным видом прошёл к чёрной лестнице позади дома. Остальные были где-то у веранды. Но как только он шмыгнул в дом, из-за бочки с дождевой водой выскочила малышка Мю и закричала:

— Что это у тебя?

— Ничего, — ответил Муми-тролль.

— Это банка, — с любопытством вытянув шею, сказала малышка Мю. — Что у тебя в банке? Почему ты её прячешь?

Муми-тролль взбежал по лестнице и кинулся в свою комнату. Он поставил банку на стол. Вода сильно плескалась, дракон обхватил крыльями голову и свернулся в клубок. Скаля зубы, он начал

медленно расправлять крылья.

— Я больше так не буду, — пообещал Муми-тролль. — Пожалуйста, прости меня.

Он открутил крышку, чтобы дракончик немного огляделся, и пошёл закрывать дверь на щеколду. От малышки Мю можно ждать любого подвоха.

Когда Муми-тролль вернулся, дракон уже выбрался из воды и сидел на краю банки. Муми-тролль осторожно протянул лапу его погладить.

Но дракон вдруг открыл пасть и выдохнул небольшое облачко дыма. Потом в воздухе мелькнул и сразу исчез красный, как пламя, язычок.

— Ай, — сказал Муми-тролль. Он обжёгся. Не сильно, но всё же.

Муми-тролль был в восторге.

— Ты злишься, да? — медленно проговорил он. — Ты жутко страшный, жестокий и ужасный, да? Ах ты, мой милый, ненаглядный голубочек!

Дракон фыркнул.

Муми-тролль залез под кровать и достал свой ящичек с ночными припасами. Там хранилось несколько оладий, уже немного чёрствых, полбутерброда и яблоко. Он отрезал понемногу от каждого лакомства и разложил перед драконом на столе. Дракон понюхал, презрительно

взглянул на Муми-тролля и вдруг с невероятным проворством подбежал к подоконнику и атаковал жирную августовскую муху.

Муха тут же перестала жужжать и заскрипела. Схватив её за голову своими зелёными лапками, дракон дунул ей в глаза дымом.

Книпс-кнапс — щёлкнули белые зубки, пасть широко раскрылась, и августовская муха исчезла. Дракон несколько раз сглотнул, потом облизнулся, почесал за ухом и, прищурив один глаз, насмешливо посмотрел на Муми-тролля.

— Вот это да! — воскликнул Муми-тролль. — Ах ты, мой дорогой бубу-лубу-душечка!

Тут раздался звук гонга — Муми-мама звала всех к завтраку.

— Пожалуйста, сиди тихонько и жди меня, — сказал Муми-тролль. — Я скоро вернусь.

Он замер на пороге, влюблённо глядя на дракона, который вовсе не был расположен к нежностям, и прошептал:

— Дружочек мой ненаглядный.

Потом быстро спустился по лестнице и выбежал на веранду.

Едва завидев Муми-тролля и сразу позабыв о каше, Мю завела свою песню:

— А некоторые прячут кое-какие секретики в

кое-каких банках.

— Цыц, — сказал Муми-тролль.

— А вдруг, — продолжала Мю, — некоторые коллекционируют пиявок и мокриц или гигантских сороконожек, которые размножаются со скоростью сто сороконожек в минуту.

— Мама, — сказал Муми-тролль. — Скажи, если бы я нашёл маленького зверька, который бы сильно ко мне привязался…

— Сильно-пыльно-шильно-мыльно, — передразнила его Мю и забулькала молоком.

— А? Что такое? — спросил Муми-папа, оторвавшись от газеты.

— Муми-тролль нашёл нового питомца, — объяснила Муми-мама. — Он кусается?

— Он ещё слишком маленький, чтобы больно кусаться, — пробормотал её сын.

— А скоро он вырастет? — поинтересовалась Мюмла. — Когда мы его увидим? Он умеет говорить?

Муми-тролль не ответил. Опять они всё испортили. Ему бы так хотелось, чтобы всё было иначе: сперва тайна, потом сюрприз. Но когда у тебя есть семейство, ни то ни другое невозможно. Им с самого начала всё известно, и ничего интересного ждать не приходится.

— После завтрака я пойду к реке, — заявил Муми-тролль медленно и презрительно. Презрительно, как дракон. — Мама, скажи им, чтобы не смели заходить в мою комнату. Иначе за последствия я не отвечаю.

— Хорошо, — ответила мама, поглядев на

Мю. — Ни одна живая душа не должна входить в его комнату.

Муми-тролль с достоинством доел кашу. И через сад спустился к мосту.

Снусмумрик сидел у палатки и раскрашивал пробковый поплавок. Муми-тролль посмотрел на него, вспомнил о драконе и опять повеселел.

— Хо-хо. Трудно с ними, с этими родственниками, — сказал он.

Не вынимая трубки изо рта, Снусмумрик согласно хмыкнул. Они немного помолчали, понимая друг друга по-мужски, без слов.

— А скажи — ну так, просто, — вдруг заговорил Муми-тролль. — В своих путешествиях ты хоть раз встречал хоть одного дракона?

— Ты имеешь в виду именно дракона — не тритона, не ящерицу и не крокодила? — после долгой паузы уточнил Снусмумрик. — Ну конечно дракона. Нет, не встречал. Драконов больше нет.

— А вдруг, — медленно протянул Муми-тролль, — вдруг один дракон всё-таки остался и кое-кто поймал его в банку?

Снусмумрик поднял голову и пристально поглядел на друга. Тот чуть не лопался от восторга и напряжения, поэтому Снусмумрик лишь холодно ответил:

— Вряд ли.

— А что, если этот дракон не больше спичечного коробка и дышит огнём?.. — зевнув, продолжил Муми-тролль.

— Исключено, — отрезал Снусмумрик.

Он отлично знал, как не испортить сюрприз.

Муми-тролль поднял глаза к небу и сказал:

— Дракон из настоящего золота с малюсенькими зелёными лапками, который мог бы сильно привязаться ко мне и ходить за мной по пятам… — А потом подпрыгнул на месте и закричал: — Это я его нашёл! Я нашёл моего собственного маленького дракона!

Пока они шли к дому, Снусмумрик долго сомневался, а потом так же долго удивлялся и восхищался. Он был неотразим.

Они поднялись по лестнице, осторожно открыли дверь и вошли в мансарду.

Банка так и стояла на столе, но дракон исчез. Муми-тролль поискал под кроватью, заглянул за комод, он ползал по всей комнате и звал:

— Дружочек… крошка хутти-хутти-хутти, рыбонька моя…

— Смотри на занавеску, — сказал Снусмумрик, — вон он.

Дракон сидел на карнизе под самым потолком.

— Как он туда забрался?! — в ужасе воскликнул Муми-тролль. — Вдруг он упадёт… Не двигайся! Подожди… Ничего не говори…

Он сорвал с кровати простыни и расстелил на полу под окном. Потом взял старый сачок Хемуля, которым тот ловил бабочек, и поднёс к самому носу дракона.

— Прыгай! — шепнул он. — Пюли-пюли-пюли… Осторожно, только не торопись…

— Ты его спугнёшь, — сказал Снусмумрик.

Дракон шипел и скалился. Он вцепился зубами в сачок и зажужжал, как маленький моторчик. А потом вспорхнул и закружил под потолком.

— Он летает, летает! — кричал Муми-тролль. — Мой дракончик летает!

— Ну конечно, — сказал Снусмумрик. — Хватит прыгать. Успокойся.

Дракон замер в воздухе, трепеща крыльями, как ночной мотылёк. А потом резко спикировал вниз, пребольно укусил Муми-тролля за ухо, отлетел в сторону и уселся Снусмумрику на плечо.

Дракон прижался к его уху и, прикрыв глаза, замурлыкал.

— Ну и негодник, — растерянно проговорил Снусмумрик. — Такой горячий! Что это с ним?

— Ты ему нравишься, — сказал Муми-тролль.

После полудня пришла Снорочка. Она навещала бабушку малышки Мю и, вернувшись домой, конечно же, сразу узнала, что Муми-тролль нашёл дракона.

Муми-мама накрыла стол для кофе. Дракон сидел возле чашки Снусмумрика и облизывал лапки. Он успел перекусать всех, кроме Снусмумрика, и всякий раз, когда злился, дышал огнём, прожигая повсюду дырки.

— Какой миленький! — сказала Снорочка. — Как его зовут?

— Да никак, — пробормотал Муми-тролль. — Просто дракон.

Он осторожно потянулся к дракону. Но едва он коснулся золотой лапки, как дракон сорвался с места, зашипел и выдохнул облачко дыма.

— Какая прелесть! — закричала Снорочка.

Дракон подвинулся ближе к Снусмумрику и понюхал его трубку. Там, где он сидел, на скатерти осталась дыра с обгорелыми коричневыми краями.

— Интересно, а клеёнку он тоже может прожечь? — поинтересовалась Муми-мама.

— Запросто! — ответила малышка Мю. — Дайте ему немного подрасти, и он спалит вам весь дом. Вот увидите!

Мю схватила кусок пирога, но в ту же секунду дракон набросился на неё, словно маленькая золочёная фурия, и укусил за руку.

— Чёрт! — крикнула Мю и, размахнувшись, шлёпнула дракона салфеткой.

— Будешь говорить такие слова, не попадёшь на небеса, — привычно протараторила Мюмла, но Муми-тролль выкрикнул:

— Дракон не виноват! Он думал, ты хочешь съесть муху на пироге!

— Как же ты мне надоел со своим драконом! — воскликнула Мю. Ей было по-настоящему больно. — К тому же он не твой, а Снусмумрика,

потому что ему нравится только Снусмумрик!

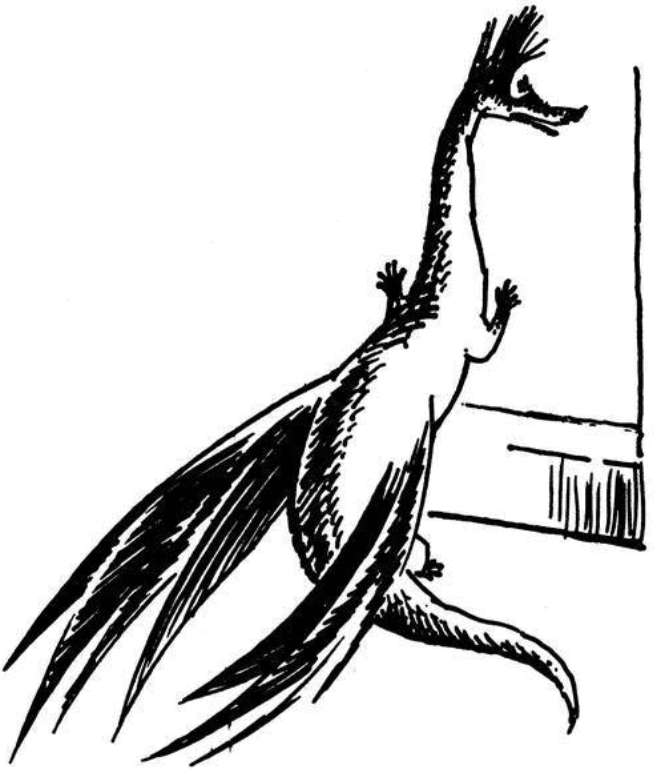
За столом стало тихо.

— Что за ерунда, — сказал Снусмумрик, поднимаясь из-за стола. — Через два часа он будет точно знать, кто его хозяин. Ну. Давай. Лети к хозяину.

Но дракон, сидевший у Снусмумрика на плече, вцепился в него всеми шестью лапками и застрекотал, как швейная машинка. Снусмумрик взял его двумя пальцами за шкирку и сунул под грелку для кофейника. Потом открыл стеклянную дверь и вышел в сад.

— Он же задохнётся! — сказал Муми-тролль и приподнял грелку.

Дракон молнией вылетел из-под грелки и уселся на подоконнике, прижавшись лапками к стеклу и глядя вслед Снусмумрику. Посидев так немного, он заскулил и посерел до самого хвоста.



— Драконы, — внезапно заговорил папа, — исчезли из общественного сознания примерно семьдесят лет назад. Я нашёл о них статью в энциклопедии. Представители вида, который продержался дольше всех, — существа эмоциональные и вспыльчивые, то есть легковоспламеняющиеся. Ещё они крайне упрямы и никогда не меняют своего мнения…

— Спасибо за кофе, — сказал Муми-тролль и встал из-за стола. — Я пойду к себе.

— Дорогой, — сказала Муми-мама, — оставить твоего дракончика на веранде или ты его заберёшь?

Муми-тролль ничего не ответил, только распахнул дверь. Дракон вылетел с веранды, оставляя позади себя фонтан искр, а Снорочка закричала:

— О нет! Ты его больше никогда не поймаешь! Зачем ты это сделал? Я даже не успела его хорошенько рассмотреть!

— Иди к Снусмумрику и рассматривай себе на здоровье, — сдержанно сказал Муми-тролль. — Дракон сидит у него на плече.

— Милый, — грустно сказала мама, глядя на Муми-тролля. — Мой любимый маленький тролль.

Едва Снусмумрик успел достать удочку, дракон уже был тут как тут — прилетел и уселся к нему

на колени. Он весь прямо-таки извивался от счастья, что снова видит своего хозяина.

— Час от часу не легче, — сказал Снусмумрик и стряхнул его с колен. — Кыш. Иди отсюда. Лети домой!

Но он, конечно, понимал, что это бесполезно. Дракон никогда никуда не улетит. К тому же, насколько он помнил, драконы живут до ста лет.

Снусмумрик удручённо смотрел на крошечное блестящее существо, которое рвалось к нему.

— Ты очень красивый, — сказал Снусмумрик. — Я бы правда хотел тебя оставить. Но ты сам понимаешь, Муми-тролль…

Дракон зевнул. Потом взлетел на шляпу Снусмумрика, свернулся клубком на драных полях и закрыл глаза. Снусмумрик вздохнул и закинул удочку. Новый поплавок подпрыгивал на стремнине, ярко-красный, блестящий. Снусмумрик знал, что Муми-тролль сегодня рыбачить не будет. Ну и напасть, морра её раздери…

Прошёл час, ещё час, и ещё.

Дракон несколько раз летал за мухами, а потом возвращался на шляпу спать. Снусмумрик поймал пять плотвичек и угря. Угря он выпустил, потому что тот устроил страшный скандал.

Ближе к вечеру на реке показалась лодка. На

руле сидел молодой хемуль.

— Хорошо клюёт? — спросил он.

— Сносно, — ответил Снусмумрик. — Далеко идёшь?

— Прилично, — сказал хемуль.

— Бросай швартовый, я дам тебе рыбы, — сказал Снусмумрик. — Завернёшь её в мокрую газету, а потом поджаришь на углях.

— А что ты хочешь взамен? — спросил хемуль, который не привык получать подарки.

Снусмумрик рассмеялся и снял с головы шляпу со спящим драконом.

— Слушай, — сказал он. — Отвези его подальше отсюда и оставь в каком-нибудь приятном месте, где много мух. Шляпу сверни, чтобы было похоже на гнездо, лучше — под кустом, где дракона никто не побеспокоит.

— А это дракон? — подозрительно спросил хемуль. — Он кусается? И как часто его надо кормить?

Снусмумрик сходил в палатку за кофейником. Он положил на донышко немного травы и осторожно опустил туда спящего дракона. Потом накрыл кофейник крышкой и сказал:

— Бросай ему мух через носик и время от времени доливай туда воды. Если кофейник разогреется, не обращай внимания. Держи. А через

день или два сделаешь, как я сказал вначале.

— И всё это за пять плотвичек? — проворчал хемуль и потянул швартовый на себя.

Лодку понесло течением.

— Не забудь про шляпу! — крикнул Снусмумрик через реку. — Он очень к ней привязан.

— Да, да, да, — отозвался хемуль и исчез за излучиной.

«Этот хемуль с ним ещё помыкается, — подумал Снусмумрик. — Ну и поделом».

Муми-тролль пришёл к реке только после заката.

— Привет, — сказал Снусмумрик.

— Привет, — ответил Муми-тролль. — Что-нибудь поймал?

— Да так, — сказал Снусмумрик. — Присядешь?

— Я просто проходил мимо, — пробормотал Муми-тролль.

Стало тихо. Но это была какая-то новая тишина, тяжёлая и неловкая. Наконец Муми-тролль, не глядя на Снусмумрика, спросил:

— Ну и как, он светится в темноте?

— Кто?

— Дракон, конечно. Любопытно было бы узнать, светятся такие драконы в темноте или нет.

— Понятия не имею, — сказал Снусмумрик. —

Сходи домой и проверь.

— Да я же его выпустил! — воскликнул Муми-тролль. — Разве он не прилетел к тебе?

— Нет, — сказал Снусмумрик и зажёг трубку. — Эти мелкие драконы такие взбалмошные. У них семь пятниц на неделе, а увидят толстую муху — вообще пиши пропало. Так-то вот. Лучше с ними дела не иметь.

Муми-тролль долго ничего не говорил. Потом сел на траву и сказал:

— Возможно, ты и прав. Хорошо, что он улетел. Ну да. Пожалуй, так лучше всего. Послушай. Этот поплавок… Как красиво он смотрится на воде. Красный.

— Ага, ничего, — согласился Снусмумрик. — Я сделаю тебе такой же. Ты ведь придёшь завтра порыбачить?

— А как же, — сказал Муми-тролль. — Разумеется.

Хемуль, который любил тишину

Жил-был хемуль. Он работал в парке аттракционов — правда, это ещё не значит, что ему жилось так уж весело. Он компостировал билеты, чтобы никто из посетителей не повеселился больше одного раза, а от такой работы, если делаешь её всю жизнь, можно очень даже запросто впасть в уныние.

Он компостировал и компостировал, а сам всё мечтал, чем займётся, когда наконец-то выйдет на пенсию.

На всякий случай, если вы вдруг не знаете, пенсия — это когда ты состарился и можешь заниматься чем хочешь в своё удовольствие. По крайней мере, так хемулю объяснили родственники.

А родственников у него было видимо-невидимо: большие, шумные, болтливые хемули,

которые то и дело хлопали друг друга по спине и громко, раскатисто хохотали.

Они вместе владели парком аттракционов, а ещё играли на тромбонах, метали молот и всячески пугали народ.

Не со зла, конечно.

Хемуль не владел ничем, потому что приходился им дальней роднёй, так сказать, седьмой водой на киселе, и, поскольку не умел говорить «нет» и никогда не высовывался, он сидел с их детьми, качал большой раздувальный мех для карусели, ну и компостировал билеты.

— Всё равно ты всегда один и делать тебе нечего, — ласково говорили ему другие хемули. — Это пойдёт тебе на пользу, взбодришься немного — будешь при деле и в весёлой компании.

— Но я никогда не бываю один, — пытался объяснить хемуль. — У меня и времени на это

нет. Все вокруг вечно хотят меня приободрить. Простите, но я бы так хотел…

— Вот и отлично! — отвечали родственники и хлопали его по плечу. — Так держать! Никогда не один, всегда при деле.

И хемуль возвращался к своим билетам, мечтая о бесконечном, восхитительном, тихом одиночестве и о том, как бы поскорее состариться.

Карусели кружились, трубили трубы, и каждый вечер, слетая на вагонетках с горок, пронзительно визжали гафсы, хомсы и мюмлы. Дронт Эдвард взял первый приз по битью фарфора; всюду танцы, гвалт, смех и ругань, все едят и пьют… И вскоре грустный и мечтательный хемуль стал попросту шарахаться от весёлых и шумных компаний.

Спал он в детской. Днём здесь было светло и уютно, а по ночам, когда дети просыпались и плакали, хемуль брал шарманку и играл, пока те не успокоятся.

Он чем мог помогал по хозяйству — ведь в доме, где живёт целая орава хемулей, дело всегда найдётся; наш хемуль никогда не оставался один, все вокруг были в превосходном настроении и непременно хотели поделиться с ним мыслями по тому или иному поводу, рассказать, чем зани-

маются и чем думают заняться. Только ответить они ему никогда не давали.

— А я скоро состарюсь? — как-то раз спросил за ужином хемуль.

— Состаришься? Ты? — весело гаркнул его дядя. — Не волнуйся, до старости тебе далеко. Выше нос! Кто молод духом, тот не стареет.

— Но я чувствую себя ужасно старым, — с надеждой проговорил хемуль.

— Да ладно, — хмыкнул дядя. — Сегодня вечером, чтобы немного взбодриться, мы устроим фейерверк, духовой оркестр будет играть до самого рассвета.

Но фейерверк не состоялся — вместо него зарядил дождь. Он шёл всю ночь, и весь следующий день, и следующий день тоже, и всю неделю напролёт.

Если совсем уж честно, дождь лил восемь недель подряд. Никто в жизни не видывал ничего подобного.

Парк аттракционов пожух и поблёк, как цветок. Он просел, полинял, заржавел и съёжился, а поскольку возведён был на песке, то все сооружения начали медленно ускользать.

Тяжко вздохнув, горки с вагонетками плюх-

нулись в воду, карусели вертелись в больших серых лужах и в конце концов, тихо позванивая, тронулись в путь — по новым рекам, намытым дождём. Малыши — кнютты, скрютты, хомсы, мюмлы и прочие — прижались носами к стеклу, глядя, как вместе с дождём уходит июль, а краски и музыка уплывают прочь.

Зеркальная комната распалась на миллионы блестящих от воды осколков, алые бумажные розочки из «Павильона чудес» намокли и поплыли по лугам. Округу огласил жалобный детский плач.

Родители совсем отчаялись, потому что дети слонялись без дела и грустили о потерянном парке.

С деревьев уныло свисали флажки и сдувшиеся шары, в «Комнате смеха» стояла грязь, а трёхголовый крокодил устремился к морю. Правда, уже с одной головой, потому что две другие отклеились.

Хемули веселились от души. Глядя в окно, они

тыкали пальцами, хлопали друг друга по спине и кричали:

— Смотрите! Вон плывёт занавес «Арабской тайны»! А вон танцплощадка! А вон пять летучих мышей из «Комнаты ужасов» повисли под крышей Филифьонкиного домика! Это же просто великолепно!

Они радостно решили, что откроют каток — конечно, когда вода замёрзнет и превратится в лёд, — и заверили хемуля, что он сможет и там проверять билеты.

— Нет, — сказал вдруг хемуль. — Нет, нет и нет. Ни за что. Я хочу на пенсию. Хочу делать что хочу и жить в тишине и полном одиночестве.

— Но, дорогой дядя! — обратился к хемулю его племянник. Он был несказанно удивлён. — Ты это серьёзно?

— Да, — отвечал хемуль. — Серьёзней не бывает.

— Но почему же ты нам раньше ничего не говорил? — растерянно спросили родственники. — Мы думали, тебе нравится.

— Я не решался.

Родственники снова захохотали. Выходит, всю свою жизнь хемуль занимался тем, что ему не нравится, только потому, что не мог сказать

«нет»? Это их ужасно рассмешило.

— Ну и что же ты хочешь? — ободряюще спросила его тётка.

— Построить кукольный дом, — прошептал хемуль. — Самый красивый кукольный дом в мире, многоэтажный. Дом, где будет много комнат, и все одинаково серьёзные, пустые и тихие.

Тут хемули захохотали так, что аж на стулья

попáдали. Они пихали друг друга локтями и кричали:

— Кукольный дом! Нет, вы слышали?! Он сказал «кукольный дом»! — рыдали они от смеха. — Дорогой ты наш, да делай всё, что душе угодно! Можешь взять себе старый бабушкин парк, там нынче должно быть тихо. Возись на здоровье, играйся сколько влезет. Удачи, желаем хорошенько повеселиться!

— Спасибо, — сказал хемуль, и внутри у него всё сжалось. — Я знаю, что вы всегда хотели мне добра.

От мечты о кукольном доме с красивыми тихими комнатами ничего не осталось, хемули разрушили её своим смехом. Но они не были виноваты. Они бы искренне огорчились, если бы узнали, что чем-то навредили хемулю. Слишком уж опасно раньше времени раскрывать другим свои сокровенные мечты.

Хемуль отправился в старый бабушкин парк. Теперь парк принадлежал ему. Он взял с собой ключ.

Парк стоял закрытый с тех самых пор, когда бабушка подожгла свой дом фейерверками и уехала вместе со всем семейством.

Это было давно, и хемуль даже немного за-

плутал.

Деревья в лесу стали выше, а дорожки спрятались под водой. Пока он шёл, дождь перестал — так же внезапно, как начался восемь недель назад. Но хемуль этого не заметил. Он горевал по утраченной мечте — делать кукольный дом ему больше не хотелось.

Но вот между деревьями показалась стена. Всё ещё очень высокая, хотя местами обрушенная. Железная калитка заржавела, замок долго не поддавался.

Наконец хемуль вошёл внутрь и запер за собой калитку. И вдруг он совершенно позабыл о кукольном доме. Впервые в жизни хемуль открыл и закрыл за собой свою собственную дверь. Он был дома. Он больше ни у кого не жил.

Дождевые тучи медленно отступали, вышло солнце. Над мокрой растительностью клубился пар, всё вокруг переливалось. Парк стоял зелёный и безмятежный. Как же давно здесь не стригли траву и не убирали! Деревья клонили ветки до самой земли, буйные кусты карабкались на деревья, тут и там среди зелени журчали ручьи, которые в своё время велела прорыть бабушка. Забыв, что должны орошать парк, они занимались исключительно собой; правда, мостки ещё

кое-где сохранились, хотя дорожки давным-давно исчезли.

Хемуль ринулся в зелёную приветливую тишину, он скакал, он катался в ней кубарем и чувствовал себя юным, как никогда прежде.

«О как хорошо наконец состариться и выйти на пенсию! — думал он. — О как я люблю своих родственников! Наконец-то я могу о них больше не думать».

Он шагал по высокой блестящей траве, он обнимал деревья и даже ненадолго прикорнул на солнечной полянке посреди парка. Здесь когда-то стоял бабушкин дом. Время больших фейерверков прошло. На месте дома пробились молодые деревья, а там, где была бабушкина спальня, рос огромный куст шиповника, усыпанный тысячью красных ягод.

Настала ночь с множеством больших звёзд, и хемулю до сих пор не разонравился его парк. Такой большой и таинственный — в нём ничего не стоило потеряться, но хемуля это ничуть не страшило — ведь он был дома.

Хемуль всё бродил и бродил по парку.

Он забрёл в бабушкин фруктовый сад, где на земле валялись яблоки и груши, и на секундочку подумал: «Как жаль! Мне не съесть и половины. Надо бы...» Но тут же забыл, о чём хотел подумать дальше, зачарованный одиночеством и тишиной.

Лунный свет, падавший между стволами, принадлежал ему одному, хемуль влюбился в прекраснейшие деревья, он плёл венки из листьев и вешал их себе на шею. В ту первую ночь он не мог сомкнуть глаз.

Утром зазвонил старый колокольчик на калитке. Хемуль заволновался. Кто-то хочет войти, кому-то от него что-то нужно! Хемуль незаметно залез в кусты под стеной и притаился. Колокольчик зазвонил опять. Хемуль вытянул шею и увидел, что у калитки стоит совсем маленький хомса.

— Уходи! — испуганно закричал хемуль. — Это частные владения. Я здесь живу.

— Знаю, — ответил маленький хомса. — Хемули прислали тебе обед.

— О... надо же... как мило с их стороны, — немного успокоился хемуль.

Он отпер калитку, слегка приоткрыл её и взял

корзинку с едой. Потом закрыл. Хомса так и стоял, не сводя с него глаз. Оба молчали.

— Ну, как вообще дела? — нетерпеливо спросил

хемуль. Он переминался с ноги на ногу, мечтая поскорее вернуться в парк.

— Плохо, — честно ответил хомса. — Нам всем очень плохо. Малышам то есть. У нас больше нет парка аттракционов. Мы всё время грустим.

— О, — сказал хемуль, вперясь в землю. Он не хотел, чтобы его вынуждали думать о чём-то печальном, но он так привык слушать других, что не мог просто уйти.

— Тебе, наверное, тоже грустно, — сочувственно сказал хомса. — Ведь ты компостировал билеты. Если к тебе подходил кто-то совсем маленький, чумазый и несчастный, ты не пробивал билет, а щёлкал щипцами в воздухе! И разрешал кататься по одному билету два или даже три раза!

— Просто у меня зрение слабовато, — объяснил хемуль. — Ты домой не собираешься?

Хомса кивнул, но не ушёл. Он шагнул к калитке и сунул нос между прутьями.

— Дяденька, — прошептал он. — У нас есть тайна.

Хемуль в ужасе отшатнулся — он не любил чужие тайны и признания.

Но хомса взволнованно продолжал:

— Мы почти всё спасли. Он в сарае у Филифьонки. Не представляешь, как нам пришлось

покорпеть: мы спасали, спасали — ночью, тайком от всех, вылавливали из воды, снимали с деревьев, сушили, чинили и старались сделать его как можно красивее!

— Ты о чём? — не понял хемуль.

— О парке аттракционов, конечно! — воскликнул хомса. — Мы столько всего нашли, столько отдельных частей уцелело! Ну разве это не здорово?! Может, хемули соединят все части вместе, и ты сможешь снова компостировать билеты.

— О, — тихо сказал хемуль и поставил корзинку на землю.

— Классно, правда? Вот ты, наверное, удивился! — добавил хомса, рассмеялся, помахал и исчез.

На следующее утро хемуль ждал у калитки, взволнованно переступая с ноги на ногу, и когда появился хомса с корзинкой, хемуль закричал:

— Ну? Как?

— Они не захотели. — Хомса был раздавлен. — Они решили построить каток. А большинство из нас зимой впадает в спячку, да и где нам взять коньки…

— Какая жалость! — радостно воскликнул хемуль.

Хомса не ответил, слишком он был огорчён. Он просто поставил корзинку на землю и ушёл восвояси.

«Бедные дети, — подумал хемуль. — Ох-ох». И стал размышлять о шалаше, который он решил построить на руинах бабушкиного дома.

Хемуль строил весь день и страшно радовался. Он возился, пока не стемнело и уже ничего нельзя было разглядеть, уснул измождённый и счастливый и долго спал на следующее утро.

Когда он вышел к калитке за едой, хомсы уже не было. На крышке корзинки лежало письмо, подписанное кучей детей. «Дорогой дяденька из парка аттракционов, — прочёл хемуль. — Всё это — тебе, потому что ты добрый и, может быть, ты как-нибудь пустишь нас к себе поиграть, потому что ты нам нравишься».

Хемуль ничего не понял, но в животе у него заворочалось ужасное предчувствие.

А потом он увидел. За калиткой дети сложили то, что осталось от парка и что им удалось подобрать. А такого было немало. Всё по большей части поломано и собрано не так, как надо. Странное зрелище — словно все эти предметы лишились своего смысла. Потерянный, но яркий мир дерева, шёлка, стальной проволоки, бумаги и ржавого железа. Мир этот с грустью и надеждой взирал на хемуля, а хемуль в панике смотрел на него.

Не выдержав, хемуль сбежал в парк, где продолжил строить свою хижину отшельника.

Хемуль строил, строил, но ничего не получа-

лось. Он работал нетерпеливо, мысли его витали далеко, и вдруг крыша обрушилась и шалаш схлопнулся.

— Ну нет же, — сказал хемуль. — Я не хочу. Я только-только научился говорить «нет». Я пенсионер. Я делаю, что мне нравится. И, кроме этого, ничего делать не желаю.

Он повторил эти слова несколько раз, с каждым разом всё более грозно. Потом встал, прошёл через парк, отпер калитку и начал затаскивать благословенный хлам внутрь.

Дети сидели на высокой полуразрушенной стене, окружавшей хемулев парк. Как воробьи, только молча.

Иногда кто-нибудь из них шёпотом спрашивал:

— Что он сейчас делает?

— Тсс, — шептал другой. — Он не хочет разговаривать.

Хемуль развесил на ветках фонари и бумажные розочки, а всё поломанное прислонил к деревьям повреждённой стороной внутрь. Сейчас он возился с тем, что когда-то было каруселью. Детали не подходили друг к другу, половины не хватало.

— Ничего не получится! — разозлившись, крикнул хемуль. — Только посмотрите! Сплошной хлам и мусор! Нет!!! Вам сюда нельзя, мне не нужна ваша помощь!

По стене пробежал шелест ободрения и сочувствия, но никто ничего не сказал.

Хемуль пытался построить из карусели дом. Он составил лошадок в траву, лебедей опустил в воду, остальное перевернул вверх дном и взялся за дело так усердно, что волосы встали торчком. «Кукольный дом! — горестно думал хемуль. — Хижина отшельника! Мишура на мусорной куче, да и только, шум и гам, как это было всю мою жизнь...»

Хемуль поднял глаза и закричал:

— Хватит глазеть! Бегите к хемулям и скажите, что завтра мне не нужен обед! Пусть лучше пришлют молоток и гвозди, свечи, верёвку и несколько двухдюймовых реек, да поскорее!

Дети в восторге засмеялись и убежали.

— А мы что говорили! — закричали хемули, хлопая друг друга по спине. — Он грустит. Бедняга скучает по своему парку!

И прислали ему всего, что он просил, и даже вдвое больше того, а ещё еды на неделю, десять метров красного бархата, большие рулоны зо-

лотой и серебряной бумаги и на всякий случай шарманку.

— Ну нет, — сказал хемуль. — Музыкальному ящику тут не место. Никаких шумных предметов!

— Конечно-конечно, — послушно сказали дети и остановились с шарманкой у калитки.

Хемуль строил и строил. И вскоре поймал себя на том, что ему — нравится. На деревьях, покачиваясь на ветру, сверкали тысячи зеркальных осколков. На самом верху, в кронах, хемуль сколотил сиденья и мягкие гнёзда, где можно сидеть, укрывшись от чужих взглядов, пить сок или спать. А с крепких ветвей свисали качели.

С горками пришлось повозиться. От прежнего аттракциона почти ничего не осталось, поэтому новый получился в три раза меньше. Зато, утешал себя хемуль, теперь никто не будет кричать от страха. В самом конце вагонетки плюхались в ручей — ведь многим это так нравится.

Хемуль пыхтел и стонал. Стоило ему укрепить горку с одного конца, как другой конец падал. Наконец хемуль рассердился и как закричит:

— Кто-нибудь, да помогите же мне! Я не могу делать десять дел одновременно!

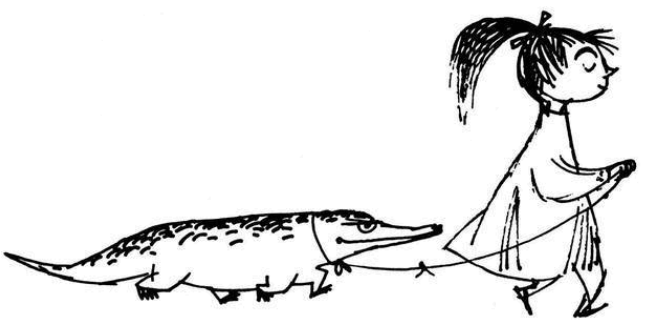
Дети спрыгнули на землю и бросились помо-

гать.

С тех пор они всё строили вместе, а хемули присылали им столько еды, что дети могли оставаться в парке целый день.

Вечером они уходили домой, но на рассвете снова стояли у калитки и ждали. А однажды утром привели с собой на верёвке крокодила.

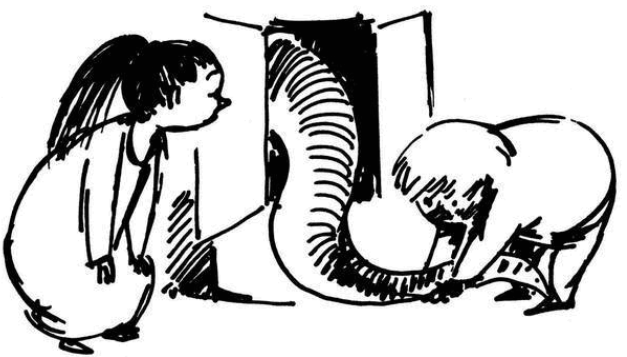
— А он точно не будет шуметь? — недоверчиво спросил хемуль.



— Точно, — сказал хомса. — Сло́ва не скажет.

Теперь, когда он избавился от двух лишних голов, он стал довольный и тихий.

Однажды сын Филифьонки нашёл в печке удава. Удав был добрый, и его немедленно принесли в бабушкин парк.



Окрестные жители собирали для хемуля разные диковинки или просто присылали печенье, кастрюли, занавески, карамельки и всякую всячину. По утрам они как одержимые передавали с

детьми подарки, и хемуль брал всё, что не производит слишком много шума.

Но входить в парк разрешалось только детям.

Старый бабушкин парк с каждым днём становился всё волшебнее. Посередине стояла карусель — новый дом хемуля. Пёстрая и слегка покосившаяся, она скорее напоминала большой яркий кулёк из-под карамелек, который скомкали и бросили в траву.

Внутри дома-карусели рос куст шиповника, усеянный красными ягодами.

И наконец в один тихий и нежный вечер всё было готово. Готово окончательно и бесповоротно, и хемуля на миг охватила печаль оттого, что всё завершилось.

Они зажгли фонарики и стояли, глядя на свою работу.

На больших тёмных деревьях мерцали зеркальные стёклышки, серебро и золото, всё было готово и ждало своего часа: пруды, лодки, туннели, горка, тележка с соками, качели, мишени для метания дротиков, деревья для лазания, яблони…

— Начинайте, — сказал хемуль. — Но помните, что это не парк аттракционов, а парк тишины.

Дети бесшумно нырнули в волшебный мир, который они сами помогли создать. Только хомса

обернулся и спросил:

— Тебе не грустно, что ты больше не будешь компостировать билеты?

— Ничуть, — сказал хемуль. — Я бы всё равно только щёлкал щипцами в воздухе.

Он зашёл в дом-карусель и включил луну из «Павильона чудес». Потом лёг в гамак Филифьонки и стал глядеть на звёзды сквозь дыру в потолке.

На улице всё было тихо. Он слышал только ручьи и ночной ветер.

Его вдруг охватила тревога. Хемуль сел и прислушался. Ни звука.

«А вдруг им не весело? — озабоченно подумал он. — Вдруг, чтобы по-настоящему веселиться, им

непременно нужно орать во всю глотку?.. Вдруг они ушли?!»

Хемуль вскочил на комод Гафсы и высунул голову сквозь дыру в потолке. Дети не ушли. Парк шелестел и мельтешил тайной восторженной жизнью. Всплески, приглушённый хохот, лёгкие хлопки, топот маленьких лап… Детям было весело.

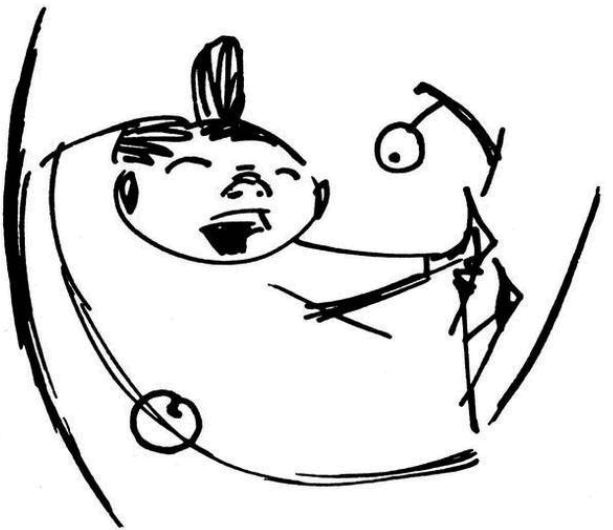
«Завтра, — подумал хемуль, — завтра я разрешу им смеяться и, может быть, даже немножко напевать себе под нос, если очень захочется. Но не больше. Ни в коем случае».

Он слез с комода и снова улёгся в гамак. И вскоре уснул, совершенно спокойный.

По ту сторону калитки, запертой на ключ, стоял его дядя и пытался заглянуть внутрь. «Непохоже, что им там весело, — подумал он. — Однако каждый веселится как умеет. А мой бедняга-племянник всегда был чудаковат».

Шарманку дядя унёс домой, потому что всегда любил музыку.

Невидимая девочка



Тёмным дождливым вечером все сидели на веранде и чистили грибы. Стол застелили газетами, посередине горела керосиновая лампа. По углам веранды было темно.

— Мю опять принесла полную корзину горькушек, — сказал папа. — Прошлым летом она собирала мухоморы.

— Будем надеяться, что в следующем году её

заинтересуют лисички, — ответила Муми-мама. — Или хотя бы красные сыроежки.

— Надежда — дело хорошее, — отозвалась малышка Мю и захихикала себе под нос.

Они продолжили чистить в тишине и спокойствии.

Вдруг в окно легонько постучали. Не дожидаясь ответа, на веранду вошла Туу-тикки и стряхнула воду с плаща. Потом выглянула на дождь и позвала:

— Иди сюда, иди.

— Кого это ты привела? — спросил Муми-тролль.

— Это Нинни, — сказала Туу-тикки. — Девочку зовут Нинни.

Придерживая дверь, Туу-тикки ждала. Но никто не появлялся.

— Ну ладно, — сказала Туу-тикки, пожав плечами. — Стесняешься — оставайся на улице.

— А она не промокнет? — спросила Муми-мама.

— Не знаю, так ли это страшно, если ты невидимка, — ответила Туу-тикки и села.

Все перестали чистить и вопросительно поглядели на неё.

— Вы же знаете: те, кого часто пугают, легко становятся невидимыми, — сказала Туу-тикки, сунув в рот гриб-дождевик, похожий на маленький симпатичный снежок. — Ну так вот. Эту девочку не на шутку запугала одна тётка, которая за ней присматривала, но не любила. Я видела эту тётку, и она просто ужасная. Не злая, нет, это ещё можно было бы понять. Холодная, как ледышка, и ироничная.

— Что значит «ироничная»? — спросил Муми-тролль.

— Представь, что ты поскользнулся на грибных очистках и с размаху сел в чищеные грибы, — сказала Туу-тикки. — Ты ждёшь, разумеется, что

твоя мама рассердится. Но нет. Вместо этого она говорит тебе, холодно и презрительно: «Какой оригинальный танец. Но я была бы тебе очень признательна, если бы ты впредь плясал подальше от стола». Примерно так.

— Фу, как неприятно, — сказал Муми-тролль.

— Не то слово, — согласилась Туу-тикки. — Но именно так и поступала эта тётка. Она иронизировала с утра до вечера, и в конце концов контуры девочки стали бледнеть и таять. В пятницу она совсем исчезла. Тётка отдала её мне, сказав, что не может приглядывать за родственниками, которых не видит.

— И что ты сделала с этой мымрой-тёткой? — вытаращив глаза, спросила Мю. — Надеюсь, устроила ей хорошую взбучку?

— От иронии это не помогает, — сказала Туу-тикки. — Я забрала у неё Нинни. И привела к вам, чтобы вы помогли ей снова стать видимой.

Возникла небольшая пауза.

Только дождь шебуршал по крыше веранды. Все смотрели на Туу-тикки и думали.

— А она разговаривает? — спросил папа.

— Нет. Но тётка привязала ей на шею колокольчик, чтобы знать, где она находится.

Туу-тикки встала и снова открыла дверь.

— Нинни! — крикнула она в темноту.

На веранде потянуло свежим, прохладным запахом осени, на мокрую траву за дверью упал прямоугольник света. Робко зазвонил колокольчик: звук поднялся по ступенькам и стих. Невысоко над полом висел маленький серебряный бубенчик на чёрной ленточке. Похоже, шея у Нинни была совсем тоненькая.

— Ну вот, — сказала Туу-тикки. — Это твоя новая семья. Они немного с приветом, но в целом очень даже ничего.

— Дайте ребёнку стул, — велел папа. — Она умеет чистить грибы?

— Я ничего не знаю про Нинни, — заверила их Туу-тикки. — Я просто привела её к вам. А сейчас мне надо идти. Как-нибудь заглянете, расскажете, как у неё дела. Пока.

И Туу-тикки ушла. Все молчали, глядя на пустой стул и серебряный бубенчик. Прошло немного времени, и в воздух медленно поднялась одна лисичка. Невидимые ручки стряхнули хвою и землю, а потом гриб был разрезан на кусочки и проплыл в миску. Затем в воздух поднялась вторая лисичка.

— Класс! — восхитилась малышка Мю. — Дайте ей что-нибудь съесть. Хочу посмотреть, будет ли видно, как еда проваливается к ней в живот.

— Кто-нибудь знает, как сделать её видимой? — взволнованно воскликнул папа. — Может быть, надо обратиться к доктору?

— Не стоит, — сказала мама. — Возможно, ей самой хочется какое-то время побыть невидимой. Туу-тикки сказала, что она стесняется. Давайте оставим малышку в покое, пока не придумаем чего-нибудь получше.

Так они и сделали.

Мама постелила Нинни в восточной мансарде, которая как раз пустовала. Серебряный бубенчик проследовал за мамой вверх по лестнице — маме это напомнило котёнка, который когда-то у них жил. У кровати Муми-мама оставила яблоко, стакан сока и три полосатые карамельки, которые раздавала всем по вечерам.

Потом зажгла свечу и сказала:

— Ложись и спи сколько хочешь. Утром я накрою кофейник грелкой, чтобы кофе не остыл. А если тебе станет страшно или что-то понадобится, просто спустись и позвони.

Одеяло приподнялось и выгнулось крошечным бугорком. На подушке проступила небольшая вмятина. Мама вернулась к себе и достала бабушкины рецепты Испытанных Домашних Средств. Сглаз. Меланхолия. Простуда. Нет, не то. Мама

листала, листала… И вот, в самом конце записей, когда бабушкин почерк был уже не очень разборчивый, нашла. «На случай, если кто-то из ваших знакомых стал расплываться и пропадать из виду». То, что надо. Какое счастье! Мама изучила довольно сложный рецепт и начала готовить снадобье для малютки Нинни.

Колокольчик спускался по лестнице, шаг за

шагом, ненадолго замолкая на каждой ступеньке. Муми-тролль ждал его всё утро. Но самым потрясающим сегодня был не колокольчик. А лапы. По лестнице спускались Ниннины лапы, маленькие-премаленькие, с крошечными пальцами, испуганно жавшимися друг к другу. Ничего, кроме лап, видно не было, и выглядело это жутковато.

Муми-тролль спрятался за печкой и как заворожённый смотрел на эти лапы, которые пришли к ним на веранду. Теперь Нинни пила кофе. Чашка поднималась и опускалась. Нинни съела бутерброд с джемом. Чашка одиноко проплыла в кухню, помылась и встала в шкафчик. Нинни была очень воспитанная девочка.

Муми-тролль выбежал в сад и закричал:

— Мама! Лапки видны! У неё появились лапки!

«Этого следовало ожидать, — подумала мама, сидя на яблоне. — Бабушка своё дело знала. Хитро я это придумала — подмешать снадобье Нинни в кофе».

— Отлично, — сказал папа. — Будет ещё лучше, если она покажет свой носик. Не очень-то приятно говорить с невидимым собеседником. Который ещё к тому же молчит.

— Тшш, — шикнула мама.

Лапки Нинни стояли в траве среди напа́давших яблок.

— Здоро́во, Нинни! — крикнула Мю. — А ты дрыхнешь как поросёнок! Когда покажешь свой пятачок? Видок у тебя, наверное, тот ещё, раз тебе приходится прятаться.

— Тише ты, — шепнул Муми-тролль. — Вдруг она обидится.

И, стараясь понравиться Нинни, он подошёл к ней и сказал:

— Не обращай внимания. Мю ужасная грубиянка. У нас ты в безопасности. А о той ужасной тётке можешь вовсе забыть. Мы тебя ни за что не дадим в обиду…

Ниннины лапки вдруг побледнели и почти пропали в траве.

— Дорогой, ты осёл, — рассердилась мама. — Пойми, ей нельзя об этом напоминать. Пожалуйста, собирай яблоки и не болтай глупости.

И они продолжили собирать.

Лапки вскоре снова появились и залезли на дерево.

Было замечательное осеннее утро, в тени немного мёрз нос, но на солнце было почти ещё лето. От ночного дождя всё вымокло и светилось

яркими красками. Когда сняли (а также стрясли) все яблоки, папа вынес самую большую яблочную мельницу и они начали прокручивать пюре.

Муми-тролль крутил, мама подсыпала яблоки, а папа относил готовые банки на веранду. Малышка Мю сидела на дереве и пела Большую Яблочную Песню.

Вдруг что-то брякнуло.

Посреди садовой дорожки высилась горка пюре, из которой во все стороны торчали осколки. А рядом стояли Ниннины лапки, которые мгновен-

но побледнели и пропали.

— О, — сказала Муми-мама. — Это же как раз та банка, которую мы отдаём шмелям. Как хорошо, теперь не придётся тащить её на луг. К тому же бабушка всегда говорила: чтобы из земли что-то росло, осенью надо преподнести ей подарочек.

Лапки Нинни снова появились, а над ними — пара тонких ножек. Выше угадывался подол коричневого платья.

— Я вижу её ноги! — закричал Муми-тролль.

— Поздравляю, — сказала малышка Мю, свесившись с дерева. — Так-то лучше. Но, морра меня подери, почему у тебя такое скучное коричневое платье?

Мама кивнула сама себе и подумала о своей мудрой бабушке и её волшебном снадобье.

Нинни ходила за ними весь день. Они привыкли к звону бубенчика, и Нинни больше не казалась им странной.

Вечером они почти что забыли о ней. Но когда все легли спать, мама достала из ящика пурпурно-красную шаль и сшила маленькое платьице. Окончив работу, она отнесла платье в восточную мансарду, где свет уже не горел, и аккуратно повесила на стул. Потом обметала обрезок ткани, и получился широкий бант для волос.

Мама радовалась, как ребёнок. Она как будто снова шила одежду для кукол. Самое забавное было то, что она даже не знала, какого цвета у куклы волосы — золотые или тёмные.

На следующий день Нинни надела платье. Теперь её было видно до самой шеи, и, спустившись к утреннему кофе, она сделала книксен и пропищала:

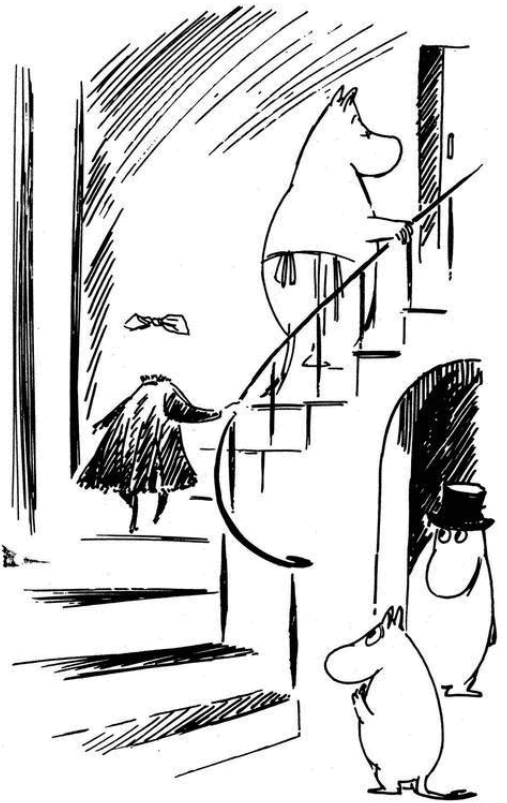
— Большое спасибо.

Все до того растерялись и смутились, что не могли вымолвить ни слова. Да ещё непонятно было, куда смотреть при разговоре с Нинни. Разумеется, они старались глядеть куда-то поверх колокольчика, где у Нинни должны были быть глаза. Но взгляд то и дело сползал на какие-то видимые части. А это казалось невежливым.

Папа прокашлялся.

— Как приятно, — начал он, — что малютку Нинни сегодня видно больше, чем вчера. Чем больше видишь, тем радостнее…

Мю громко рассмеялась и застучала ложками по столу.



— Хорошо, что ты заговорила, — сказала она. — Если тебе, конечно, есть что сообщить. Ты какую-нибудь игру весёлую знаешь?

— Нет, — пропищала Нинни. — Но я слышала, что некоторые играют в игры.

Муми-тролль был в восторге. Он решил научить Нинни всем известным ему играм.

После кофе они втроём пошли к реке и начали играть. Но Нинни оказалась безнадёжна. Она кланялась, делала книксен, серьёзно говорила «конечно-конечно», и «как приятно», и «разумеется», но было ясно, что она играет из вежливости, а не ради веселья.

— Ну беги же! — кричала малышка Мю. — Ты что, даже прыгать не умеешь?

Тонкие ножки Нинни послушно бежали и подпрыгивали. Потом она останавливалась и стояла как вкопанная, свесив руки. Пустой воротник над бубенчиком выглядел беспомощно.

— Ждёшь, что тебя похвалят, да? — крикнула Мю. — Курица! Хочешь, чтобы я тебя побила, да?

— Нет, пожалуйста, — обречённо пропищала Нинни.

— Она не умеет играть, — опечалился Муми-тролль.

— Она не умеет злиться, — сказала малышка Мю. — Вот что с ней не так. Слушай, — продолжила Мю, вплотную подойдя к Нинни и грозно посмотрев на неё, — у тебя никогда не будет собственного лица, пока ты не научишься драться. Уж поверь мне.

— Да, конечно, — согласилась Нинни и осторожно попятилась.

Но лучше не стало.

В конце концов они отчаялись научить Нинни играть. Смешные истории она тоже не понимала. Она никогда не смеялась в нужном месте. Она вообще никогда не смеялась. А это действовало на рассказчика удручающе. Так что её просто оставили в покое.

Шли дни, а Нинни всё так же ходила без лица. Они привыкли, что её пурпурно-красное платье неотступно следует за Муми-мамой. Стоило маме остановиться, и серебряный колокольчик умолкал, а стоило ей пойти дальше — звенел снова. Над платьем в воздухе подрагивал большой пурпурно-красный бант. Выглядело всё это немного странно.

Мама продолжала отпаивать Нинни бабушкиным снадобьем, но ничего не менялось. Поэтому она бросила свою затею, решив, что многие пре-

красно обходятся без головы, а Нинни, возможно, вовсе не блещет красотой.

Таким образом, каждый мог додумать себе её внешность, а это иногда очень даже укрепляет отношения.

Однажды семейство отправилось через лес к песочному пляжу, чтобы на зиму вытащить лодку. Нинни, как всегда, позвякивала за ними, но, когда они вышли к морю, внезапно остановилась. Потом легла животом прямо на песок и заскулила.

— Что это с Нинни? Она чего-то боится? — спросил папа.

— Может, никогда раньше не видела моря? — предположила мама.

Она склонилась к Нинни и стала с ней шептаться. Затем поднялась и сказала:

— Да, это первый раз. Ей кажется, что море слишком большое.

— В жизни не встречала таких дурёх… — начала малышка Мю, но мама строго посмотрела на неё и сказала:

— Кто так обзывается, тот сам так называется. Всё, вытаскиваем лодку.

Они вышли на мостки, ведущие к купальне, где жила Туу-тикки, и постучали.

— Привет, — сказала Туу-тикки. — Как там поживает наша невидимая девочка?

— Только мордочки не хватает, — ответил папа. — Сейчас она немного не в себе, но, думаю, это пройдёт. Не поможешь с лодкой?

— Конечно, — сказала Туу-тикки.

Когда лодку вытащили и перевернули вверх килем, Нинни осторожно подошла к кромке воды и замерла, стоя на мокром песке. Её никто

не трогал.

Мама села на мостках и стала смотреть на воду.

— Фу, наверняка леденющая, — проговорила она.

И, зевнув, добавила, что давненько у них не случалось ничего интересного.

Папа подмигнул Муми-троллю, скорчил зверскую гримасу и стал медленно подкрадываться к маме со спины.

Конечно, он не думал бросать её в воду, как частенько делал, когда они были молоды. Да и пугать, вероятно, тоже — он просто хотел немного посмешить детей.

Но не успел он приблизиться, как раздался крик, на мостках мелькнула красная молния, папа взвыл и уронил шляпу в воду. Нинни вонзила в папин хвост свои маленькие невидимые зубки, а они были ох какие острые!

— Браво, браво! — завопила Мю. — Даже я бы до этого не додумалась!

Нинни стояла на мостках — из-под рыжей чёлки выглядывала сердитая курносая мордочка — и шипела на папу, как кошка.

— Не смей бросать её в это большое ужасное

море! — крикнула она.

— Её видно, её видно! — воскликнул Муми-тролль. — Какая симпатичная!

— Ничего особенного, — сказал Муми-папа, осматривая укушенный хвост. — С головой или без — но такого глупого, дурного и невоспитанного ребёнка я в жизни не встречал.

Папа лёг, пытаясь выловить шляпу тростью. И вдруг ни с того ни с сего соскользнул с мостков и полетел головой вниз.

Он сразу вынырнул и встал на дно. Над водой торчала его морда, в уши набился ил.

— Ого! — закричала Нинни. — Как смешно! Вот умора!

И засмеялась так, что затряслись мостки.

— Похоже, она никогда раньше не смеялась, — озадаченно проговорила Туу-тикки. — С вами она стала хуже малышки Мю. Но главное, что её теперь видно.

— А всё благодаря бабушке, — сказала мама.

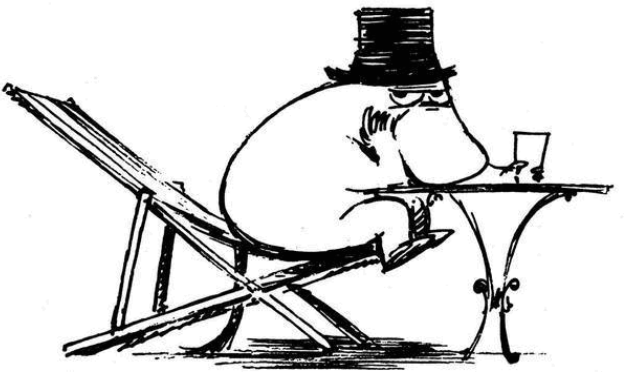
Тайна хаттифнатов

Это было в те далёкие времена, когда папа Муми-тролля ушёл из дому, никому ничего не объяснив. Он и сам не понимал, почему ему надо было уйти.

Муми-мама потом говорила, что он давно уже вёл себя странно, хотя, вероятно, ничего особенно странного в его поведении не было. Такое часто придумывают потом себе в утешение, пытаясь объяснить то, что случилось.

Никто толком не знал, когда он ушёл.

Снусмумрик утверждал, что Муми-папа собирался вместе с Хемулем ставить сеть на уклеек, но, по словам Хемуля, папа, как всегда, просто сидел на веранде, а потом вдруг заявил, что ему жарко и немного скучно и что он должен починить мостки. Однако мостки папа не починил, потому что они остались такие же кособокие, как раньше. И лодка всё так же стояла на месте.



Куда бы папа ни направился, ясно было, что он не уплыл, а ушёл по суше. А уйти он, разумеется, мог куда угодно, во все стороны было одинаково далеко. Так что искать его не имело никакого смысла.

— Рано или поздно придёт, — решила Муми-мама. — Он сам так говорил когда-то — и всегда возвращался, а значит, вернётся и на этот раз.

За папу никто не переживал, и это было хорошо. Они договорились никогда друг за друга не волноваться, чтобы каждый чувствовал себя свободным и не мучился угрызениями совести.

Поэтому мама без лишних вздохов просто набрала петли для нового вязанья, а папа тем временем шагал дальше куда-то на запад, следуя одной своей смутной идее.

Эта идея была связана с мысом, который папа заметил однажды на прогулке. Мыс выдавался далеко в море, небо тогда было жёлтое, и к вечеру поднялся ветер. Папа никогда не бывал на этом мысу и не видел, что там, на другой стороне. Все тогда хотели скорее вернуться домой пить чай. Они всегда хотели домой в самый неподходящий момент. Но папа задержался на берегу, глядя на море. И как раз в этот миг от берега отделилась череда маленьких белых лодочек со шпринтовыми парусами[1] и двинулась в открытое море.

— Хаттифнаты, — сказал Хемуль, вложив сюда всё: немного презрения, немного опаски и отчётливое осуждение. Хаттифнаты — чужие и непонятные, не смертельно, но опасные, другие.

---

[1] Примечания: 1

Шпринтовый парус — четырёхугольный косой парус, который растягивается по диагонали длинным тонким шестом — шпринтовом. (*Примеч. ред.*)

И тогда папу охватила нестерпимая тоска и меланхолия, и он понял одно: он совершенно точно не хочет пить чай на веранде. Ни в этот вечер, ни в какой другой.

Это было давно, но он явственно помнил тот миг. И в один прекрасный день ушёл.

Было жарко, папа брёл наугад.

Он не смел ни задуматься о своём поступке, ни прислушаться к своим чувствам, он шёл прямо на закат, щурясь из-под шляпы и насвистывая, но не какую-то известную мелодию, а просто так. Холмы бежали вверх и вниз, деревья расходились с ним и исчезали позади, а тени вытягивались по мере того, как папа двигался дальше.

Солнце только-только нырнуло в море, когда он вышел на длинный каменистый пляж. Сюда не вела ни одна дорога, и никому бы и в голову не пришло здесь прогуливаться.

Папа впервые видел это место: печальный серый пляж, единственный смысл которого заключался в том, что тут кончалась суша и начиналось море. Папа спустился к воде.

И что бы вы думали? — а иначе ведь и быть не могло! — вдоль берега медленно плыла по ветру маленькая белая лодка.

— Вот они, — спокойно сказал папа и помахал.

На борту было всего три хаттифната, таких же белых, как лодка и парус. Один сидел на руле, два других — спиной к мачте. Все трое глядели вдаль, и вид у них был такой, будто они повздорили. Но Муми-папа слыхал, что хаттифнаты никогда друг с другом не ссорятся, они очень тихие существа и всё, что им надо, — это плыть вперёд, чем дальше, тем лучше. Лучше всего — до самого горизонта или на край света, что, вероятно, то же самое. Так, во всяком случае, говорят. А ещё говорят, что хаттифнатам ни до кого, кроме себя самих, нет дела, что они заряжаются от грозы и опасны для всех, кто обитает в гостиных и на верандах и всегда делает одно и то же в одно и то же время.

Всё это интересовало папу с тех пор, как он себя помнил, но, поскольку говорить о хаттифнатах иначе чем намёками не принято, он пока не знал, как всё обстоит на самом деле.

Похолодев до кончика хвоста, Муми-папа напряжённо наблюдал, как приближается белая лодка. Хаттифнаты не махали — разве хаттифнат снизойдёт до столь обыденного жеста? — но они определённо плыли к нему. Протяжно шаркнув днищем о гальку, лодка воткнулась в берег.

Хаттифнаты обратили на папу свои круглые бесцветные глаза. Тот снял шляпу и начал объ-

яснять. Хаттифнаты покачивали лапками в такт его словам, отчего папа смутился и запутался в длинной фразе о горизонтах, верандах, свободе выбора и чаепитиях, когда на самом деле пить чай совсем не хочется. Наконец папа замолчал, совсем сконфуженный, и лапки хаттифнатов замерли.

«Почему они ничего не говорят? — нервно подумал папа. — Они что, меня не слышат или считают, что я смешон?»

Он протянул лапу и издал любезный вопросительный звук, но хаттифнаты не шевельнулись. Их глаза постепенно желтели, вбирая цвет неба.

Папа опустил лапу и отвесил неловкий поклон.

Хаттифнаты тут же встали и тоже поклонились, очень торжественно и все трое одновременно.

— Спасибо, — сказал папа.

Он больше не пытался ничего объяснять, а просто сел в лодку и оттолкнулся от берега. Небо было такое же пламенеюще-жёлтое, как в тот далёкий день. Лавируя против ветра, лодка медленно вышла в море.

Муми-папа никогда ещё не был так спокоен и доволен всем вокруг. Не нужно было ничего говорить или объяснять, ни себе, ни другим. Он

просто сидел, смотрел на горизонт и слушал, как под лодкой хлюпают волны.

Когда берег исчез, над морем встала луна, жёлтая и круглая, как шар. Папа в жизни не видел такой большой и такой одинокой луны. И не представлял, что море может быть таким огромным и безупречным, каким он увидел его сейчас.

Муми-папа вдруг подумал, что в мире нет ничего настоящего и бесспорного, кроме луны, моря и лодки с тремя молчаливыми хаттифнатами.

И ещё, конечно, горизонта, сулящего ему восхитительные приключения и безымянные тайны — теперь, когда он наконец обрёл свободу.

Муми-папа решил, что будет безмолвен и загадочен, как хаттифнат. Того, кто не болтает попусту, все уважают. Думают, раз ты молчишь, то много знаешь и живёшь страшно увлекательной жизнью.

Папа посмотрел на хаттифната, сидевшего у руля в свете луны. Ему захотелось как-то поддержать его, выразить солидарность, что ли. Но папа решил промолчать. Да и не шло ему в голову ничего, как бы это сказать… ничего хорошего.

Что там говорила о хаттифнатах Мюмла? Както раз весной, за обедом, она обмолвилась, что они, дескать, живут разгульной жизнью. А Му-

ми-мама ответила: «Ну что за ерунда», а Мю ужасно заинтересовалась и потребовала, чтобы ей немедленно объяснили, что это такое. Но кажется, никто толком не знал, как это — жить разгульной жизнью. Наверное, это значит быть диким и свободным в самом широком смысле.

Мама добавила тогда, что едва ли жить разгульной жизнью так уж весело, но у папы на этот счёт были сомнения. «Это как-то связано с электричеством, — уверенно заявила Мюмла. — А ещё они умеют читать чужие мысли, а это некрасиво». И разговор свернул в другое русло.

Папа быстро взглянул на хаттифнатов. Их лапки опять задвигались. «Какой ужас, — подумал он. — Уж не читают ли они своими лапами мои мысли? Вдруг они обиделись?..» Папа стал судорожно причёсывать свои мысли, наводить в них порядок, стараясь забыть всё, что он когда-либо слышал о хаттифнатах, но это оказалось не так-то просто. Сейчас он ни о чём, кроме них, думать не мог. Жаль, поговорить нельзя — ведь это так хорошо отвлекает от размышлений.

Отбросить большие опасные мысли, сосредоточиться на маленьких и безобидных? Но это тоже ничего не даст: чего доброго, хаттифнаты решат, что ошиблись в нём, что он — самый обыкновен-

ный верандный папа…

Муми-папа усиленно всматривался в даль, где на лунной дорожке проступили очертания маленькой чёрной скалы.

Он старался думать попроще: вот остров в море, вот луна над островом, луна плывёт в море — угольно-чёрном, жёлтом, тёмно-синем. И так он думал, пока совсем не успокоился, а хаттифнаты не перестали наконец размахивать своими лапками.

Остров был маленький, но очень высокий.

Тёмный и горбатый, он походил на голову какого-нибудь крупного морского змея.

— Причаливаем? — полюбопытствовал папа.

Хаттифнаты не ответили. Они снесли на берег канат с якорем и закрепили его в расщелине. Не обращая внимания на папу, они полезли наверх. Они водили носами, принюхивались, кланялись, махали лапами, что, очевидно, было частью некоего тайного плана, в который Муми-папу посвящать не собирались.

— Ну и пожалуйста, — оскорбился папа, вылез из лодки и пошёл за ними. — Я только спросил, причаливаем ли мы, хотя, конечно, и сам вижу, что причаливаем, но разве трудно ответить? Хоть намёком, чтобы я не чувствовал, что путешествую в одиночестве. — Но папа сказал это очень тихо, сам себе.

Скала была отвесная и скользкая. Это был недружелюбный остров, который ясно давал понять, что ему никто не нужен. Здесь не росло ни цветов, ни мха, вообще ничего, — злобно насупившись, он просто торчал из моря.

Вдруг папа заметил кое-что жутко неприятное и странное. Под ногами было полным-полно красных пауков. Крошечные, но бесчисленные, они живым красным ковром кишели на чёрной скале.

Ни один паук не сидел на месте, все носились как угорелые, и казалось, что весь остров шеве-

лится и куда-то ползёт в лунном свете.

Это было так гадко, что у папы на миг помутнело в глазах.

Он переступал с ноги на ногу, потом поднял и хорошенько отряхнул хвост. Он озирался в поисках малейшего пятачка, не занятого красными пауками, но такого места не было.

— Мне бы не хотелось вас раздавить, — бормотал папа. — О небо, почему я не остался в лодке!.. Их слишком много, и все одного вида — это противоестественно… все одинаковые…

Папа поискал глазами хаттифнатов и увидел их силуэты на горе, на фоне луны. Один хаттифнат явно что-то нашёл, но папа не мог разглядеть что.

Вообще-то ему было всё равно. Он вернулся в лодку, на ходу отряхивая лапы, как кошка. Пауки начали заползать прямо на него, и папа был крайне возмущён.

Они заползли и на канат, выстроившись длинной красной процессией, и голова этой процессии уже перебиралась на фальшборт.

Муми-папа забился в угол на корме.

«Это сон, — думал папа. — Сейчас я вскочу, разбужу Муми-маму и скажу ей: дорогая, это ужас, просто ужас — всюду пауки, ты себе не

представляешь… А она ответит: ох, ну надо же, бедненький ты мой — но посмотри, тут нет ни одного паука, это тебе просто приснилось…»

Хаттифнаты медленно шли к лодке.

Почуяв это, пауки от ужаса встали на дыбы, развернулись и помчались по канату обратно на берег.

Хаттифнаты влезли на борт и оттолкнулись. Лодка выскользнула из чёрной тени и выплыла на лунную дорожку.

— Какое счастье, что вы вернулись! — с искренним облегчением воскликнул папа. — Эти пауки такие мелкие, что к ним и обратиться нельзя. Вы нашли что-нибудь симпатичное?

Хаттифнаты посмотрели на него долгим лунным взглядом и промолчали.

— Я спросил, удалось ли вам что-нибудь найти, — повторил папа, и нос его покраснел. — Если это секрет, можете, так и быть, не рассказывать. Но скажите хотя бы, что вы что-то нашли.

Хаттифнаты смотрели на него и не двигались. Чувствуя, как жар приливает к щекам, Муми-папа закричал:

— Вы любите пауков? Нравятся они вам или не нравятся? Я хочу знать! Прямо сейчас!

Повисла долгая тишина, и тогда один из хат-

тифнатов шагнул вперёд и развёл лапы. Может, он что-то сказал, а может, это просто ветер шептал над водой.

— Извините, — неуверенно пробормотал папа, — я понимаю.

Вероятно, хаттифнат объяснил ему, что пауки им скорее безразличны. Или выразил сожаление о чём-то таком, что невозможно изменить. Например, что хаттифнаты и Муми-папа, увы, не понимают друг друга и поэтому не могут разговаривать. А возможно, хаттифнат был разочарован и считал, что папа ведёт себя как ребёнок. Папа тихо вздохнул и грустно посмотрел на своих спутников. Теперь он видел, что́ они нашли. Это был небольшой обрывок берёзовой коры — из тех, что море скручивает в свитки и разбрасывает по берегу. Берёста — только и всего. Ты разворачиваешь её, будто старинную рукопись, внутри она белая и гладкая, как шёлк, но стоит отпустить края — и кора снова скрутится. Как маленький кулачок, сжимающий тайну. Муми-мама обычно обматывала такой берёстой ручку кофейника.

Вероятно, в этом свитке было какое-то очень важное послание. Но папа уже потерял к нему интерес. Он немного замёрз и приготовился спать, свернувшись калачиком на дне лодки. Хаттифнаты не чувствовали холода, только электрический ток.

И никогда не спали.

Муми-папа проснулся на рассвете. У него затекла спина, и по-прежнему было холодно. Из-под полей шляпы он видел кусочек фальшборта и серый треугольник моря, который опускался, поднимался и снова опускался. Папу слегка укачало, и он совсем не чувствовал себя бесстрашным папой в поисках приключений.

Один из хаттифнатов сидел на банке, чуть по-

выше него, наискосок. Папа тайком наблюдал за ним. Глаза у хаттифната теперь были серые. Изящные лапы медленно двигались, как крылья бабочки. Возможно, он разговаривал с другими или думал. Голова была круглая и сразу переходила в туловище, безо всякой шеи. «Как длинный белый чулок, — подумал папа. — С бахромой снизу. Или как белый поролон».

Ему стало по-настоящему нехорошо. Он вспомнил, как он вёл себя накануне вечером. И пауков тоже вспомнил. Впервые в жизни он видел напуганных пауков.

— Ох-ох, — пробормотал папа.

Он хотел сесть, но вдруг заметил берестяной свиток и похолодел. Уши встали торчком под шляпой. Свиток лежал в черпаке, на дне лодки, и медленно катался туда-сюда, повторяя движение волн.

Муми-папа тут же позабыл о своём недомогании. Его лапа осторожно поползла в сторону свитка. Он взглянул на хаттифнатов: те, как всегда, не сводили глаз с горизонта. Но вот берёста у него, он сжал лапу, медленно потянул свиток к себе. И в тот же миг почувствовал лёгкий удар электрического тока, не сильнее, чем от батарейки карманного фонарика. Хотя стрельнуло до

самого затылка.

Муми-папа долго лежал неподвижно, стараясь успокоиться. Потом медленно развернул секретный документ. Обычная белая берёста. На ней — ни карты, где зарыты сокровища, ни шифра. Ничего.

Может, это такая визитная карточка, которую хаттифнат оставляет из вежливости для других хаттифнатов на каждом одиноком острове? Может, получая этот маленький разряд тока, хаттифнаты испытывают такое же тёплое дружеское чувство, как мы, когда открываем долгожданное письмо? Или, может быть, они умеют читать невидимый шрифт, недоступный пониманию обычных троллей? Разочарованный, Муми-папа скрутил свиток и поднял глаза.

Хаттифнаты спокойно наблюдали за ним. Муми-папа покраснел.

— Как-никак мы в одной лодке, — сказал он.

Папа не ожидал, что ему ответят. Он, как хаттифнаты, развёл лапами, беспомощно и сокрушённо, и вздохнул.

Ветер тихим воем отзывался в натянутых штагах. Море катило мимо них свои серые волны к самому краю света, и Муми-папа с грустью подумал: «Если это — разгульная жизнь, я лучше съем

свою шляпу».

Острова бывают очень разные, но, если они достаточно малы и заброшены достаточно далеко в море, они непременно немного одиноки и печальны. Вокруг сменяются ветра, идёт на убыль жёлтая луна, чернеет по ночам море. Но сами острова неизменны, лишь хаттифнаты иногда приплывают к их берегам. Скалы, валуны, камни, забытые полоски земли — их и островами-то не назовёшь. Возможно, перед приходом дня они ныряют под воду и выныривают ночью, чтобы оглядеться по сторонам. Ведь мы так мало знаем. Хаттифнаты, с которыми плыл Муми-папа, останавливались на каждом таком островке. Где-то их поджидал небольшой берестяной свиток. Где-то не поджидало ничего, и остров был гладкой тюленьей спиной, вокруг которой играли волны, или рваной скалой с высокими сугробами красных водорослей. Но везде, где бы хаттифнаты ни останавливались, на самой вершине острова они оставляли маленький белый свиток.

«Они одержимы какой-то идеей, — подумал папа. — Эта идея для них важнее всего остального. И я намерен следовать за ними, пока не узнаю, что́ это».

Красные пауки им больше не попадались, но,

когда лодка причаливала, папа всё же оставался на борту. Потому что эти острова напомнили ему о других островах, оставшихся далеко позади, о семейных плаваниях и тенистых бухтах, о палатке и маслёнке, которую прятали под лодку, в тень, о стаканах сока на песке и плавках, разложенных на камне… Разумеется, он нисколько не скучал по этой уютной верандной жизни.

Это была просто мимолётная мысль, навеявшая грусть. Ерунда, которая больше не шла в расчёт.

Папа вообще теперь рассуждал иначе. Он всё реже вспоминал, что́ ему довелось повидать за свою привольную и кипучую жизнь, и столь же редко мечтал о том, что́ принесут ему грядущие дни.

Его мысли скользили вперёд, как лодка, без

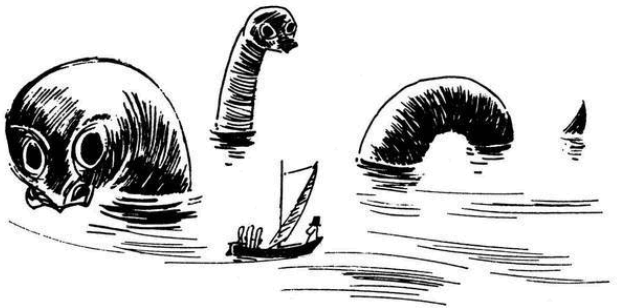
воспоминаний и надежд, как странствующие серые волны, которым не важно, доберутся они до горизонта или нет.

С хаттифнатами папа больше не заговаривал. Он вместе с ними глядел на море, его глаза, подобно их глазам, выцвели и отражали меняющийся цвет неба. И когда на горизонте попадались новые острова, папа не шевелился, разве что хвост легонько постукивал по настилу на дне лодки.

«Интересно, — как-то раз задумался папа, когда лодка скользила по бесконечной мёртвой зыби, — интересно, не становлюсь ли я сам похож на хаттифната?»

День выдался жаркий, и к вечеру на море накатил туман. Это был тяжёлый и странный, красно-жёлтый туман, и папе показалось, что он немного живой и опасный.

За бортом играли и фыркали морские змеи. Муми-папа видел, бывало, как мелькнёт в воде круглая тёмная голова, перепуганные глаза поглядят-поглядят на хаттифнатов, а потом удар хвоста — и стремглав обратно в туман.



«Они боятся их так же, как пауки, — подумал папа. — Все боятся хаттифнатов...»

В тишине прокатился далёкий гром, потом всё опять стихло и замерло.

Раньше папа всегда думал, что гроза — это жуть как увлекательно. Сейчас он вообще ничего не думал. Он был свободен, но ему ничего не хотелось.

Вдруг из тумана выплыла лодка с большой компанией на борту. Папа вскочил. И вмиг пре-

вратился в себя былого: он подкидывал в воздух шляпу, махал руками и кричал. Незнакомая лодка повернула к ним. Она была белая, и парус тоже. И пассажиры тоже были белые…

— О, вот оно как… — сказал папа.

Разобрав, что это хаттифнаты, он перестал махать и сел.

Обе лодки плыли вперёд, не обращая друг на друга никакого внимания.

И тут из тёмного тумана одна за другой выскользнули другие лодки — тени, которые все плыли к одной цели, и все с хаттифнатами на борту. Где-то ехало семь, где-то пять, где-то одиннадцать хаттифнатов, а где-то и вовсе один-единственный хаттифнат, но число всегда было нечётное.

Туман отступил, слившись с сумерками, тоже красновато-жёлтыми. На море было полным-полно лодок. Они направлялись к новому острову, вытянутому, без деревьев и возвышенностей.

Гром громыхнул снова. Он сидел где-то внутри огромной черноты, которая всё разрасталась и разрасталась над горизонтом.

Одна за другой лодки причаливали и спускали паруса. Пустынный берег кишел хаттифнатами, которые уже вытащили свои лодки на берег и

теперь приветствовали друг друга.

Повсюду, насколько хватало глаз, бродили белые торжественные существа и кланялись. Они беспрестанно шевелили лапками и шелестели. А вокруг них шепталась прибрежная трава.

Папа стоял чуть поодаль, жадно высматривая в толпе своих хаттифнатов. Это было для него очень важно. Ведь они единственные, кого он немного знал… Да, совсем немного. Но всё-таки.

Однако его знакомые растворились в толпе — хаттифнаты ничем не отличались друг от друга, и папе вдруг стало так же жутко, как на острове с пауками. Он нахлобучил шляпу до самых глаз, напустив на себя грозный и непринуждённый вид.

Шляпа оставалась единственным надёжным и неизменным предметом на этом чудно́м острове, где всё было таким белым, шепчущимся и неопределённым.

Муми-папа больше не доверял себе, но в шляпу он верил крепко; она была высокая, угольно-чёрная и вполне определённая, а с внутренней стороны тульи Муми-мама подписала: «М. П. от твоей М. М.», чтобы отличить её от всех остальных шляп в мире.

Но вот причалила последняя лодка, её вытащили на берег, и хаттифнаты перестали шуршать.

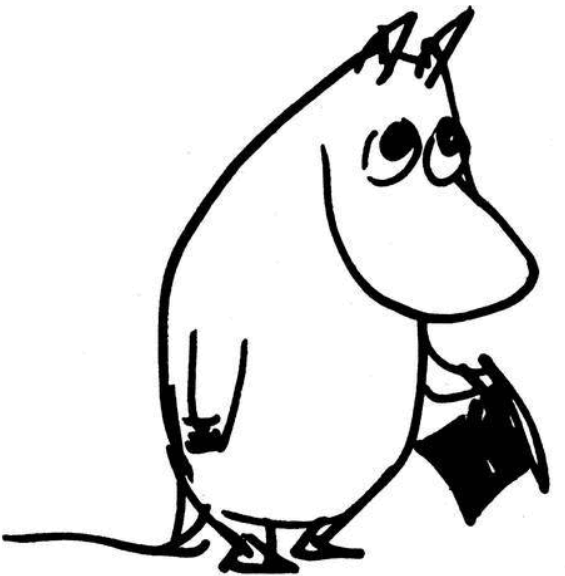
Они разом обратили к папе свои красно-жёлтые глаза и медленно двинулись на него.

«Хотят драться», — подумал папа и сразу оживился.

Ему вдруг ужасно захотелось драться — всё равно с кем, просто драться, кричать и верить, что все остальные не правы и их надо поколотить.

Но хаттифнаты никогда не дерутся, а также не спорят, не думают о других плохо и вообще не думают.

Хаттифнаты — сотни хаттифнатов — один за другим подходили к папе и кланялись, а папа снял шляпу и кланялся в ответ, пока не разболелась голова. Сотни лап махали ему, и в конце концов папа тоже замахал лапами, чисто от усталости.



Раскланявшись с последним хаттифнатом, Муми-папа напрочь забыл, что ещё недавно хотел

подраться. Сжимая шляпу, он покорно и учтиво пошёл за хаттифнатами по шепчущей траве.

Гроза тем временем вскарабкалась высоко на небо и нависла над ними, как готовая обрушиться стена. Наверху носился ветер, которого они не чувствовали, и испуганно подгонял мелкие обрывки облаков.

Над самым морем мерцали короткие и причудливые молнии: зажигались, гасли и снова зажигались.

Хаттифнаты собрались на середине острова. Они повернулись к югу, откуда шла гроза, совершенно как морские птицы перед непогодой. А потом один за другим засветились, как ночные светильники. Они вспыхивали в такт молниям, и трава вокруг них вся искрилась от электричества.

Папа лёг на спину, глядя на бледную зелень прибрежных растений. Тонкие светлые листья на фоне тёмного неба. Дома у них была подушка с папоротниками, расшитая Муми-мамой. Светло-зелёные листья на чёрном-пречёрном фетре. Очень красивая подушка.

Гроза подошла ближе. Почувствовав в лапах лёгкие уколы электричества, Муми-папа сел. Воздух был полон дождя.

Вдруг лапы хаттифнатов затрепетали, как крылья мотыльков. Хаттифнаты раскачивались всем телом, кланялись, танцевали. Зазвенела, разрастаясь по всему острову, тонкая комариная песня. Хаттифнаты выли, одиноко и тоскливо, как ветер свистит в бутылочном горлышке. Папе нестерпимо захотелось присоединиться к ним — тоже качаться взад-вперёд и выть, качаться и шелестеть.

В ушах у него кольнуло, лапы задвигались. Папа встал и медленно пошёл к хаттифнатам. «Их тайна как-то связана с грозой, — подумал он. — Вот что они ищут и о чём тоскуют…»

На остров упала темнота и молнии — белые и грозно шипящие. Вдалеке шумно нёсся по морю ветер, всё ближе, ближе, и вот разразилась гроза, самая безудержная на папиной памяти.

Тяжёлые вагоны, гружённые камнями, с грохотом катались взад-вперёд, взад-вперёд, а потом налетел ветер и сбил папу с ног.

Папа сидел в траве, придерживая шляпу, шторм продирал его насквозь, и вдруг он подумал: «Ну нет! Что это на меня нашло? Я не хаттифнат, я Муми-папа… Что я здесь делаю?..»

Он посмотрел на хаттифнатов и внезапно с электрической ясностью понял про них всё.

Понял, что оживить хаттифната может только большая, огромная гроза. Хаттифнаты несут в себе большой заряд, но беспомощно изолированы друг от друга. Они ничего не чувствуют, не думают — только ищут. Но когда гроза наполняет воздух электричеством, они включаются и наконец могут жить изо всех сил, испытывая большие, сильные чувства.

Видимо, этого им так и не хватает. Возможно, собираясь большими компаниями, они притягивают к себе грозу…

«Да, должно быть, так, — подумал папа. — Бедные хаттифнаты. А я сидел в своей бухте и думал, что они такие оригинальные, такие свободные — только потому, что молчат и всё время стремятся вперёд. А сказать-то им просто нечего, и плыть — некуда…» В этот миг туча разверзлась и хлынул дождь, блестящий и белый в свете молний.

Папа вскочил на ноги, глаза его были даже синее обычного, и закричал:

— Я ухожу! Я немедленно отправляюсь домой!

Он высоко поднял нос и натянул шляпу на уши. Потом припустил к берегу, спрыгнул в одну из белых лодок, поднял парус и поплыл прямо в открытое бушующее море.

Муми-папа опять был самим собой, он имел собственное мнение по самым разным вопросам, и он очень хотел домой.

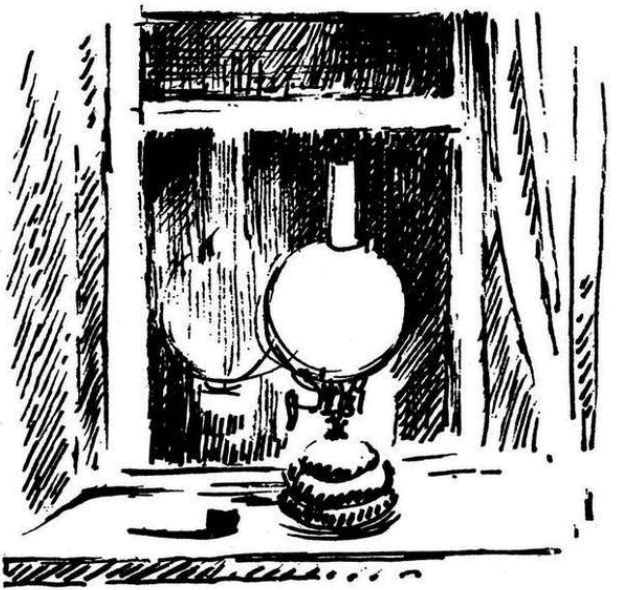
«Подумать только — никогда не радоваться и никогда не огорчаться, — думал папа, пока лодка мчала сквозь шторм. — Никогда никого не любить, не злиться и не иметь возможности простить. Не спать и не мёрзнуть, не ошибаться, не мучиться животом и не почувствовать облегчение, что боль прошла, не праздновать день рождения, не пить пиво и не терзаться угрызени-

ями совести…

Вообще ничего. Кошмар».

Счастливый и промокший до костей, Муми-папа ничуть не боялся грозы. Они никогда не заведут дома электричества и по вечерам будут зажигать только керосиновую лампу.

Муми-папа ужасно соскучился по своей семье и по своей веранде. Он понял вдруг, что только там сможет стать свободным и бесстрашным, каким должен быть настоящий папа.



Седрик

Теперь уже трудно понять, как Сниффа уговорили расстаться с Седриком.

Во-первых, Снифф никогда в жизни ни с чем не расставался, скорее наоборот. А во-вторых, Седрик и правда был удивительный.

Не живое существо, всего лишь вещица — зато какая! С виду — обычный плюшевый пёсик, порядком облезлый и затисканный, но, приглядевшись, ты замечал сияние его почти топазовых глаз и настоящий лунный камень под пряжкой ошейника.

К тому же у Седрика было совершенно неподражаемое выражение лица, какого никогда не увидишь у другой собаки. Может, драгоценные камни и значили для Сниффа больше, чем выражение лица, но даже если так, Снифф любил

Седрика.

И как только отдал его, сразу горько, до отчаяния пожалел. Снифф не ел, не спал, не разговаривал. Он целыми днями только и делал, что горевал.

— Но, Снифф, миленький, — беспокоилась Муми-мама, — если ты так сильно любил Седрика, ты мог бы, по крайней мере, отдать его кому-то, кто тебе нравится, а не Гафсиной дочке.

— Эх… — опустив красные, зарёванные глаза, вздохнул Снифф. — Это всё Муми-тролль виноват. Он сказал: если отдать что-то, что очень любишь, то взамен получишь в десять раз больше и будешь чувствовать себя великолепно. Он меня обманул.

— О, — промолвила мама. — Понятно-понятно.

Больше она не нашлась что сказать. «Утро вечера мудренее», — подумала она.

И отправилась к себе. Все пожелали друг другу спокойной ночи, одна за другой потухли лампы. Только Снифф не мог уснуть и всё смотрел на потолок, где в лунном свете качалась тень большой ветки. Ночь была тёплая, и окно оставили открытым, с реки доносились звуки губной гармошки Снусмумрика.

Когда мрачные мысли совсем его одолели,

Снифф вылез из кровати и подкрался к окну. Потом спустился по верёвочной лестнице и пробежал через сад, где сияли белые пионы, а тени были черны как уголь. Луна плыла высоко в небе, далёкая и безразличная.

Снусмумрик сидел у палатки.

Сегодня он не играл песен, лишь хвостики каких-то мелодий, походившие на вопросы или короткие звуки, которые мы произносим обычно, чтобы поддержать разговор, когда не знаем, что сказать.

Снифф сел рядом со Снусмумриком и безутешно уставился на реку.

— Привет, — сказал Снусмумрик. — Хорошо, что ты пришёл. Я как раз сижу тут и думаю про одну историю, которая, возможно, покажется тебе интересной.

— Сказки меня сегодня не интересуют, — пробормотал Снифф и весь сморщился от грусти.

— Это не сказка, — возразил Снусмумрик. — Это было на самом деле. Это случилось с тёткой моей матери по отцовской линии.

И Снусмумрик начал рассказывать, потягивая трубочку и время от времени шевеля пальцами ног в тёмной речной воде.

— Жила-была одна дама, которая очень любила

свои вещи. Детьми она не обзавелась, так что развеселить или разозлить её было некому, работать и готовить ей было незачем, чужое мнение её не волновало, и она ничегошеньки не боялась. Играть она тоже давным-давно разучилась. Словом, жилось ей довольно скучно.

Но она обожала свои красивые вещички, всю

жизнь собирала их, раскладывала и перекладывала с места на место, чистила, так что они становились с каждым днём всё прекраснее, и гости, попадая к ней в дом, просто не верили своим глазам.

— Она была счастлива! — закивал Снифф. — А как выглядели эти её вещи?

— Ну… — откликнулся Снусмумрик. — Она была счастлива, как могла. А ты, пожалуйста, помолчи и дай мне рассказать до конца. Короче говоря, в одну прекрасную ночь, когда она ела в тёмной кладовке свиные отбивные, её угораздило проглотить большую кость. Несколько дней после этого она чувствовала себя странно, а поскольку лучше ей не становилось, она пошла к доктору. Он простукивал её, слушал, просвечивал и тряс — и в конце концов сказал, что кость застряла. Это была очень нехорошая кость, вытащить которую не представлялось возможным. В общем, доктор опасался худшего.

— Да ты что! — заинтересовался Снифф. — То есть он думал, что тётушка помрёт, и не решался ей это сказать?

— Ну да, примерно так, — подтвердил Снусмумрик. — Но тётка моей матери была не робкого десятка и всё-таки выяснила, сколько ещё протянет, а потом пошла домой и стала думать. Несколько недель. Не так уж много.

Она вспомнила вдруг, что в юности мечтала сплавиться по Амазонке, научиться нырять с аквалангом и построить большой весёлый дом для

одиноких детей, а ещё совершить путешествие к огнедышащей горе и закатить огромный пир для своих друзей. Но времени на всё это, разумеется, не оставалось. Да и друзей у неё не было, потому что она всю жизнь собирала красивые вещи и на это уходило всё её время.

Как тётка ни ломала голову, она только сильнее впадала в уныние. Она бродила по комнатам, ища утешения у своих замечательных вещей, но вещи её не радовали. Наоборот — она думала лишь о том, что, отправляясь на небеса, ей придётся оставить всё это на земле.

А собирать всё заново там, наверху, ей, уж не знаю почему, не хотелось.

— Бедная! — воскликнул Снифф. — Неужели она не могла захватить с собой хоть какую-нибудь мелочь?!

— Нет, — серьёзно сказал Снусмумрик. — Это запрещено. Помолчи, пожалуйста, дай мне договорить. Однажды ночью тётушка лежала в постели, глядя в потолок, и всё размышляла, как ей быть. Комната была заставлена красивой мебелью, а мебель, в свою очередь, была заставлена красивыми вещами. Вещи были повсюду: на полу, на стенах, на потолке, в шкафах и в ящиках… И вдруг она почувствовала, что задыхается, что все

эти предметы душат её, не принося ни малейшего утешения. Тогда ей в голову пришла одна мысль. Причём такая смешная, что тётушка расхохоталась, мгновенно приободрилась и вылезла из кровати, чтобы продолжить свои размышления.

«Надо просто раздать всё имущество, — решила она, — и сразу будет чем дышать». А это очень даже неплохо, если у тебя в желудке застряла кость и ты хочешь в своё удовольствие помечтать об Амазонке.

— Какая глупость! — разочарованно сказал Снифф.

— Ничего не глупость, — возразил Снусмумрик. — Она здорово повеселилась, пока придумывала, что кому отдаст.

У неё была многочисленная родня и куча знакомых — такое порой случается, даже если у тебя нет друзей. Ну и вот, она по очереди вспоминала каждого знакомого и прикидывала, что его больше всего порадует. Это оказалась весёлая игра.

Кстати говоря, тётушка была не дура. Мне она подарила губную гармошку. Ты небось и не знаешь, что моя гармошка из золота и жакаранды?[2] Ну так вот. Тётушка всё мудро продумала, и каж-

[2] Примечания: 2

Жакаранда — дерево, древесина которого очень ценится за прочность и красоту. (*Примеч. ред.*)

дому досталось ровно то, что ему больше всего подходит и о чём он всегда мечтал.

К тому же она была мастерица делать сюрпризы. Она завернула подарки в бумагу и разослала по почте, чтобы никто не догадался, от кого посылка (ведь они никогда не бывали у неё дома, поскольку тётушка опасалась, как бы они чего не разбили).

Но теперь она радовалась, представляя себе их удивление, недоумение, домыслы, и вообще заметно воспряла.

Она чувствовала себя почти что феей, которая выполняет чужие желания, а потом улетает восвояси.

— Но я не заворачивал Седрика в бумагу и не

отправлял его по почте! — воскликнул Снифф, вытаращив глаза. — И умирать я тоже пока не собираюсь!

Снусмумрик вздохнул.

— Опять ты о своём, — сказал он. — Но будь добр, дослушай до конца хорошую историю, хоть она и не про тебя. И немножко подумай обо мне. Я люблю рассказывать истории и специально приберёг для тебя этот рассказ. Ну вот, хорошо. И сразу случилось кое-что ещё. Тётушка моей матери вдруг стала спокойно спать по ночам, а днём она мечтала об Амазонке, читала книжки про подводное плавание и чертила план дома для никому не нужных детей. Она развлекалась как могла и стала куда милее и приятнее в общении, чем раньше. «Надо мне быть осторожнее. А то ведь, глядишь, у меня и друзья появятся, а закатить пирушку не успею…» — думала она.

Её комнаты становились всё просторнее и просторнее. По почте уходила посылка за посылкой, и чем меньше вещей оставалось у тётушки, тем легче ей становилось. Под конец она бродила по пустым комнатам и чувствовала себя как воздушный шарик, весёлый воздушный шарик, готовый взлететь…

— На небо, — мрачно закончил Снифф. — Зна-

ешь что…

— Хватит перебивать, — сказал Снусмумрик. — Я чувствую, ты не дорос ещё до этой истории. Но я всё равно буду рассказывать дальше. Так вот. Постепенно комнаты освободились, и у тётушки осталась только её кровать.

Это была огромная кровать с балдахином, и, когда тётушкины новые друзья пришли к ней в гости, они все расселись на ней, а те, что поменьше, забрались наверх, на балдахин. Им было жутко приятно вместе, и тётушку беспокоила лишь эта грандиозная вечеринка, которую она, возможно, так и не успеет устроить.

По вечерам они рассказывали друг другу страшные или смешные истории, и однажды вечером…

— Ну знаешь, — рассердился Снифф, — ты такой же, как Муми-тролль. Я понял, к чему ты клонишь. В результате она отдала и кровать тоже, потом отправилась на небеса и была так счастлива, так счастлива! По-твоему, мне тоже надо было отдать не только Седрика, но и всё, что у меня есть, да ещё помереть в придачу!

— Ты осёл, — сказал Снусмумрик. — И слушатель из тебя никудышный. Я хотел рассказать тебе совсем другое. Тётушка моей матери так

хохотала над одной смешной историей, что кость выскочила и тётушка сделалась совершенно здорова!

— Не может быть! — закричал Снифф. — Бедная тётушка!

— Что ты хочешь сказать? Почему бедная? — не понял Снусмумрик.

— Ну как же! Ведь она раздала все свои вещи! — воскликнул Снифф. — Причём совершенно напрасно! Она не умерла! Надеюсь, она пошла к своим знакомым и забрала всё обратно?

Снусмумрик закусил трубку.

— Ах ты, глупый-неразумный зверёк, — подняв брови, сказал он. — Тётушка только посмеялась над тем, как всё вышло. А потом закатила пир. И построила дом для одиноких детей. Нырять с аквалангом она, правда, уже не рискнула, но огнедышащую гору повидала. А после отправилась на Амазонку, и с тех пор мы о ней больше не слышали.

— Такие развлечения стоят денег, — недоверчиво, с пониманием дела заметил Снифф. — А она всё своё имущество раздала.

— Да ладно? Если бы ты внимательно слушал, от тебя бы не ускользнуло, что кровать осталась, а она, мой дорогой Снифф, была из чистого золота и вся утыкана алмазами и сердоликами.

(Что касается Седрика, то из топазов Гафса сделала своей дочке серёжки, а Седрику вместо них пришила глаза-пуговицы. Снифф нашёл Седрика, брошенного под дождём, и забрал к себе домой. Лунный камень, к сожалению, смыло, и его так и не удалось найти. Но Снифф не перестал любить Седрика, правда теперь он любил его просто так. И это некоторым образом делает ему честь.

Примеч. авт.)

Ёлка

Один из хемулей стоял на крыше и копался в снегу. Его жёлтые варежки быстро стали совсем мокрыми и неприятными. Хемуль пристроил их на трубе, вздохнул и продолжил копать. Наконец

он добрался до люка в крыше.

— Ага, вот. А внизу, значит, эти сони. Всё спят, спят… Пока другие из последних сил трудятся в ожидании Рождества.

Хемуль встал прямо на крышку люка и, поскольку он не мог вспомнить, куда она открывается — наружу или внутрь, осторожно попрыгал. Люк открылся внутрь, и хемуль полетел вниз — сквозь снег, темноту и всё, что муми-тролли к зиме затащили на чердак.

Хемуль был очень раздражён. Как назло, ещё и варежки куда-то подевались. А ведь это была его любимая пара.

Протопав вниз по лестнице, он распахнул дверь и сердито гаркнул:

— Скоро Рождество! Сколько можно спать? Говорю же, Рождество на носу…

Здесь — как обычно — спали обитатели Муми-дома. Они провели в спячке уже несколько месяцев и не собирались просыпаться до самой весны. Сон приятно и размеренно покачивал их на своих волнах, пронося сквозь один долгий и тёплый летний вечер. Но сейчас во сне Муми-тролля вдруг повеяло тревогой и холодом. Ему снилось, будто кто-то стягивает с него одеяло, злится и кричит, что скоро Рождество.

— Что, уже весна? — пробормотал Муми-тролль.

— Весна? — нервно переспросил хемуль. — Рождество, понимаешь ты, Рождество! У меня ничего не готово, не прибрано, а тут ещё вас откапывай. Варежки, ясное дело, мне никогда уже не найти. Все словно с ума посходили, ничегошеньки не сделано…

Хемуль протопал обратно на чердак и вылез через люк на крышу.

— Мама, проснись! — в ужасе позвал Муми-тролль. — Случилось что-то страшное! Какое-то Рождество!

— Ты о чём? — спросила мама, высунув нос из-под одеяла.

— Я сам толком не знаю, — ответил её сын. — Но ничего не готово, кто-то потерялся, и все сошли с ума. Неужели опять наводнение?

Он осторожно потряс Снорочку и прошептал:

— Ты только не пугайся, но произошло что-то ужасное.

— Спокойно, — сказал Муми-папа. — Главное — сохранять спокойствие.

Он встал и завёл часы, которые остановились ещё в октябре.

А потом они все вместе поднялись по лестнице,

на которой остались мокрые следы хемуля, и вылезли через люк на крышу Муми-дома.

Небо было такое же синее, как всегда, так что на этот раз дело явно не в огнедышащей горе. Только вот всю долину завалило мокрой ватой — горы, деревья, реку, дом. И было холодно, холоднее, чем в апреле.

— Это и есть Рождество? — удивился папа. Он зачерпнул полную горсть ваты и принялся рассматривать. — Интересно, оно выросло из-под земли или упало с неба? Если оно появилось вдруг и разом, то, наверное, это было очень неприятно.

— Папа, это снег, — сказал Муми-тролль. — Я точно знаю, что это снег, а он выпадает постепенно, а не вдруг и разом.

— Да что ты говоришь! — воскликнул папа. — Но всё равно это не очень приятно.

Мимо на финских санках проехала тётка хемуля. Она везла ёлку.

— Неужто проснулись? — равнодушно сказала она. — Не забудьте раздобыть ёлку, пока не стемнело.

— Но зачем… — начал было Муми-папа.

— Мне некогда! — крикнула через плечо тётка и понеслась дальше.

— Пока не стемнело, — прошептала Снороч-

ка. — Она сказала: пока не стемнело. Значит, всё самое страшное начнётся вечером…

— Видимо, чтобы спастись, нужна ёлка, — размышлял папа. — Ничего не понимаю.

— Я тоже, — грустно проговорила Муми-мама. — Но прежде чем идти за ёлкой, наденьте, пожалуйста, шарфы и тёплые подследники. А я пока растоплю печку.

Несмотря на катастрофу, папа решил свои ёлки не трогать, ими он очень дорожил. Поэтому они перелезли через забор к Гафсе и выбрали большущую ель, которая ей явно была ни к чему.

— Думаешь, под ёлкой можно укрыться от опасности? — спросил Муми-тролль.

— Не знаю, — отвечал папа, работая топором. — Пока что мне ничего не понятно.

Они почти уже дошли до реки, когда им навстречу выскочила Гафса. В руках она держала бесчисленные свёртки и пакеты.

Гафса вся раскраснелась, она была очень взволнована и, к счастью, не узнала свою ёлку.

— Разгром и беспорядица! — кричала Гафса. — Нельзя позволять невоспитанным ежам… Как я уже говорила Мисе, это просто безобразие…

— Ёлка, — перебил Гафсу Муми-папа, отчаянно вцепившись в её меховой воротник. — Что дела-

ют с ёлкой?

— С ёлкой? — растерялась Гафса. — С ёлкой? О ужас! Нет, это просто кошмар… Её же надо нарядить! Как же я всё успею?..

Свёртки посыпались у неё из рук в снег, шапка съехала на нос, а сама Гафса чуть не расплакалась от волнения.

Муми-папа покачал головой и поднял ёлку.

А дома Муми-мама уже расчистила вход на веранду, приготовила спасательные пояса и аспирин, папино ружьё и горячие компрессы. Так, просто на всякий случай.

На краешке дивана сидел маленький кнютт и пил чай. Мама нашла его в снегу под верандой и просто не могла не пригласить в дом — такой несчастный у него был вид.

— А вот и ёлка, — сказал папа. — Знать бы только, зачем она нужна. Гафса сказала — её полагается наряжать.

— Такого большого платья у нас нет, — огорчилась Муми-мама. — Что она имела в виду?

— Какая красивая! — воскликнул кнютт и тут же от смущения поперхнулся чаем и пожалел, что вообще посмел раскрыть рот.

— Ты знаешь, как наряжают ёлку? — спросила его Снорочка.

Кнютт густо покраснел:

— Её наряжают красиво. Очень красиво. Так я слышал, — прошептал он.

И, окончательно смутившись, облился чаем, закрыл мордочку лапами и выбежал на улицу.

— А теперь немного помолчите, потому что я думаю, — сказал Муми-папа. — Если ёлку полагается красиво нарядить, значит под ней не прячутся от опасности, а скорее хотят эту опасность *задобрить*. Кажется, я начинаю понимать.

Ёлку вынесли на двор, крепко воткнули в снег и принялись наряжать сверху донизу — самыми красивыми вещами, какие только могли придумать.

Были там ракушки с цветочных клумб и жемчужное ожерелье Снорочки. Они вытащили кристаллы из лампы в гостиной и развесили на ветках, а к макушке прикрепили красную шёлковую розу, которую Муми-папа когда-то подарил Муми-маме.

Они приносили всё самое красивое, что у них было, чтобы задобрить непостижимые силы зимы.

Когда ёлку нарядили, мимо снова промчалась тётка хемуля на своих финских санках. Теперь она ехала обратно и — если такое возможно — торопилась ещё сильнее.

— Посмотри на нашу ёлку! — крикнул Муми-тролль.

— Силы небесные! — охнула тётка. — Впрочем, вы всегда были немного странные. Ну всё, мне пора… Надо успеть приготовить угощение, чтобы как следует встретить Рождество.

— Угощение, чтобы встретить Рождество? — удивился Муми-тролль. — То есть его ещё и угощать надо?

Но тётка не слушала.

— Какое же Рождество без угощения! — нетерпеливо добавила она, улетая вниз под горку.

Весь вечер мама не отходила от плиты. И вот, незадолго до наступления сумерек, угощение для Рождества было готово. Оно стояло под ёлкой в маленьких плошках: сок, простокваша, черничный пирог, яичный тодди и всякое другое вкусное, что любят в Муми-доме.

— Как вы думаете, Рождество *очень* голодное? —

волновалась мама.

— Едва ли голоднее меня, — мечтательно проговорил Муми-папа.

Он сидел в снегу, замотавшись в одеяло по самые уши, и дрожал от холода. Но маленьким созданиям следует быть очень, очень кроткими перед великими силами природы.

В долине уже зажигались окна. Свечи горели под деревьями и в каждом гнезде на ветках. Дрожащие огоньки сновали взад-вперёд по снегу. Муми-тролль взглянул на папу. Папа кивнул.

— Да, — сказал он. — На всякий случай.

И тогда Муми-тролль сбегал в дом и собрал все свечи, которые ему удалось найти.

Он расставил их в снегу вокруг ёлки и осторожно зажёг, одну за другой, чтобы умилостивить темноту и Рождество. Скоро в долине стало совсем тихо. Наверное, все разошлись по домам и теперь притаились в ожидании великой опасности. Одна-единственная одинокая тень металась под деревьями — это был хемуль.

— Эгей! — тихо позвал его Муми-тролль. — Оно скоро придёт?

— Не мешай, — огрызнулся хемуль, не отрывая носа от исчёрканного длинного списка.

Он присел у свечки и начал считать.

— Мама, папа, Гафса, — бормотал он. — Кузены и кузины… старший ёж… малыши обойдутся. От Снифф а в прошлом году я ничего не получил. Миса, хомса, тётушка… С ума можно сойти!

— Что такое? — испуганно спросила Снорочка. — С ними что-то случилось?

— Подарки! — воскликнул хемуль. — С каждым

годом нужно всё больше подарков!

Дрожащей рукой он поставил в списке крестик и поспешил дальше.

— Подожди! — крикнул Муми-тролль. — Объясни... А что твои варежки?..

Но хемуль исчез в темноте — как и все остальные, кто в тот вечер носился сломя голову в преддверии Рождества.

И тогда муми-семейство бесшумно удалилось в дом за подарками. Папа выбрал самую лучшую

блесну на щуку в очень красивой коробочке, вывел на ней: «Для Рождества» и положил в снег. Снорочка сняла с ноги браслет и, тихонько вздохнув, завернула его в шёлковую бумагу.

А мама выдвинула свой самый потайной ящик и достала книгу с цветными картинками — единственную цветную книгу во всей долине.

Что завернул Муми-тролль, никто не видел — его подарок был слишком красивый и слишком личный. И даже весной он никому не рассказал, что это было.

А потом они уселись в снег и стали ждать наступления катастрофы.

Время шло, но ничего не происходило.

Только выглянул из-за сарая маленький кнютт, который недавно пил у них чай.

— Весёлого Рождества, — смущённо прошептал он.

— А оно бывает весёлым? — удивился Муми-папа. — Неужели тебе совсем не страшно, что будет, когда оно придёт?

— Но оно уже здесь, — пробормотал кнютт и сел в снег вместе со своими родственниками. — Можно, мы немного посмотрим? У вас такая красивая ёлка…

— А сколько угощения! — восхищённо сказал

один из родственников.

— И настоящие подарки, — сказал другой.

— Я всю жизнь мечтал увидеть это вблизи, — вздохнув, заключил кнютт.

Стало совсем тихо. Свечи ровно горели в спокойной ночи. Кнютт и его родственники замерли. Даже издали чувствовались их восторг, и грусть, и желание быть причастными к этому чуду, и в конце концов Муми-мама не выдержала и, придвинувшись к папе, шепнула:

— Тебе не кажется?

— Да, но вдруг?.. — возразил папа.

— Не важно, — сказал Муми-тролль. — Если Рождество рассердится, мы спрячемся на веранде. — И повернулся к кнютту: — Пожалуйста, это всё вам.

Кнютт глазам своим не верил. Он осторожно подошёл к ёлке, за ним — длинная череда его друзей и родственников с дрожащими от благоговения усиками.

У них ещё никогда не было собственного Рождества.

— А сейчас нам лучше спрятаться в доме, — забеспокоился папа.

Они взбежали на веранду и забрались под стол.

Ничего не происходило.

Подождав немного, они осторожно выглянули в окно.

Кнютты по-прежнему сидели на улице, ели, пили и разворачивали подарки. Так весело им ещё никогда не было. А потом залезли на ёлку и украсили её горящими свечами.

— Мне кажется, на макушке должна быть большая звезда, — сказал дядя кнютта.

— Думаешь? — проговорил кнютт, задумчиво глядя на красную шёлковую розу Муми-мамы. — Разница-то невелика, а сама идея верная.

— Надо было повесить звезду, — прошептала Муми-мама. — Но это же невозможно!

Они посмотрели на небо — далёкое и чёрное, но сплошь усыпанное звёздами — в тысячу раз более звёздное, чем летом. Самая яркая звезда висела прямо над верхушкой их ёлки.

— Что-то у меня глаза слипаются, — призналась Муми-мама. — Честно говоря, я так и не поняла, что такое это Рождество. Но кажется, всё сложилось как нельзя лучше.

— Я больше не боюсь Рождества, — сказал Муми-тролль. — Наверное, хемуль, Гафса и тётушка что-то перепутали.

Они положили жёлтые варежки хемуля на перила веранды, на самое видное место, и пошли спать, чтобы скоротать время до прихода весны.

